Песня чудовищ

Автор:
Анастасия Андрианова

Песня чудовищ

Анастасия Александровна Андрианова

Young Adult. Книжный бунт. Новые сказки

В Серебряном лесу живут чудовища – птицы с женскими головами, чьи песни способны украсть человеческий разум. Аларский царь умирает и просит сыновей добыть ему девоптицу – первому, кто привезёт чудовище, достанется власть над царством. Старший царевич Ружан готов пойти на всё, лишь бы занять место отца на престоле. Он жаждет отомстить колдунам Стрейвина за поражение, нанесённое его армии несколько лет назад. Средний, Домир, во всём потакает Ружану, пока однажды не осмеливается перейти ему дорогу, пленившись дивным пением. Младший царевич, Ивлад. не думает о власти, он лишь хочет исполнить последнее желание отца и отправляется в путь, несмотря на запрет покидать дворец.

Кружат над Аларией вьюги, трещат морозы, и вот-вот сбудется предание о том, что в колдовстве – погибель царской семьи.

«Песня чудовищ» – завораживающая сказка для взрослых.

Актуальный жанр ретеллинга, в котором виртуозно переплетаются мягко стилизованное под легенду повествование и современные тенденции жанра славянского фэнтези.

Анастасия Андрианова в своей истории возрождает мотивы сказок, вспоминая об удивительных созданиях, алконостах, птицах-сиринах, издревле присутствующих в фольклорных мотивах старой Руси.

Анастасия Андрианова

Песня чудовищ

© Андрианова А.А., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Есть же о птице сей сказание таково.

Птица Сирин святого и блаженного рая

Глава 1. Последняя просьба

Где-то в лесу плакал ребёнок.

Его голос то срывался и затихал, то заходился визгом: ближе, дальше, снова ближе.

Ивлад кинулся на звук, напрямик через колючие кусты и переплетение древесных корней. Лес был незнакомым, слишком густым, тёмным и влажным, слишком тихим, и только чуждый для этого места детский плач разрывал тишину в клочья.

– Я иду! – крикнул Ивлад. – Подожди!

Как ребёнок оказался в этой дремучей чаще? Что за наваждение? Ивладу некогда было задумываться, он бежал вперёд, цепляясь одеждой за ветки, пока

не оказался на просторной поляне. Кругом валялись замшелые стволы и пни, вывернутые из земли не то вихрем, не то другой безудержной силой. Ивлад остановился, тяжело дыша. Детский плач стал ещё громче, звучал совсем рядом, но будто отовсюду сразу: из-за деревьев, из-под земли, с мрачного неба.

За спиной поднялся сильный ветер, обжигая ледяным холодом. Со всех сторон обрушилась вьюга, такая лютая, что рукава, полы одежды и волосы тут же покрылись инеем. Ивлад судорожно схватил ртом воздух, и тысячи колких снежинок больно впились в горло. За считаные мгновения зелёный лес покрылся белой коркой и застыл, как стеклянный. Деревья посеребрились, листья разом облетели, на ветвях засверкали кровавыми боками ало-золотые яблоки.

И только тогда Ивлад понял, что это ловушка.

В ушах завыло так громко, что сердце зашлось от ужаса. Детского плача уже не было слышно, только нарастающий гул, а перед глазами всё закружило белой метелью. Руки онемели от холода, всё тело заледенело. С пронзительным криком с дерева сорвалась огромная птица и кинулась вперёд, метя изогнутыми когтями Ивладу в лицо.

* * *

Ивлад резко распахнул глаза. В опочивальне было холодно, почти как в том лесу. Очаг давно погас, в окно бился порывистый ветер. Ивлад охнул и сел на постели. Снова этот непонятный сон, и снова в нём – птичьи когти и метели.

Темнота комнаты казалась разбавленной, как разведённые водой чернила – значит, наступило тусклое зимнее утро. Ивлад растёр замёрзшие ноги и плавно повёл плечами, разминая тело. Набросив нижнюю рубаху, он подошёл к окну, покрытому кружевом морозных узоров.

Над Азобором стелился дымок из печных труб, кое-где светились в окнах огни, слабенькие, от лучины или единственной свечи. С неба сыпали густые хлопья снега – с начала зимы ни одного дня без него не обходилось, и сугробы уже намело такие, что некоторые избы завалило едва ли не до самых крыш. Далеко впереди мерцали макушки Серебряного леса – бледный рассвет обливал деревья зеленоватым светом, и лес отсюда казался сказочным, выкованным из

тончайшего металла. Ивлад постоял так немного, вспоминая детский плач из сна и завьюженную чащу. Быть может, во сне он оказался там, в Серебряном лесу? А птица, метившая ему в глаза, была из тех чудовищ, которыми славится это место?

Стук в дверь прервал его мысли.

– Вы уже проснулись, Ивлад Радимович? Позвольте растопить очаг, – послышался голос слуги.

– Да, входите, – со вздохом ответил Ивлад, отворачиваясь от окна. Заснеженный город манил, и Ивлад с грустью оторвал от него взгляд.

Дверь скрипнула, и в комнату вошёл молодой прислужник. Он поклонился и занялся очагом, а Ивлад плеснул себе воды из кувшина, глотнул и спросил:

– Как себя чувствует отец?

Руки слуги внезапно дрогнули, уронив огниво. Из очага вывалилось несколько угольков, запачкав ковёр.

– Х-хорошо, царевич. С ним ваши братья, но…

– Братья? – Ивлад нахмурился. – В такую рань? И сразу оба? Он не принимал посетителей уже много недель. Но почему меня раньше не разбудили?

Слуга засуетился, собирая угли с ковра. Пятна стали только больше.

– Сейчас-сейчас… вычищу старые, заправлю новых дров…

– Не стоит торопиться. Растопишь позже. Я иду к отцу.

– Ивлад Радимович! – Юноша выпрямился, тараща испуганные глаза. – Вам не нужно… Вас не…

– Не звали? – Брови ещё сильнее сошлись на переносице Ивлада. – Отец хочет видеть всех сыновей, кроме младшего? Отчего?

– Н-не знаю… Но… Не ходите, прошу, иначе меня кинут в острог за то, что проговорился…

– Не бойся, не кинут. Я позабочусь об этом. Будем считать, ты мне ничего не говорил.

Ивлад застегнул кафтан, надел сапоги и стремительно вышел в коридор.

Царь Радим Таворович давно болел, а в последние месяцы стал совсем плох. Что-то точило его изнутри, высасывая жизнь, оставляя только пустую блёклую оболочку. На теле то и дело проступали чёрные язвы, от которых уродливыми щупальцами тянулись сетки вен, в иные дни даже глаза царя заволакивало чёрной пеленой. Сколько лекарей посетило его покои, не счесть, но все лишь разводили руками, и не помогали ни угрозы от царского воеводы, ни обещания богатства от царя. Ивлад помнил отца сильным и крепким, громогласным и быстрым, но теперь царь Радим вовсе не походил на себя прежнего – истончился, стал почти прозрачным и перестал говорить.

Царские покои находились в другом конце дворца, и Ивлад кинулся бегом. Если отец собрал братьев, значит ли это, что хотел скрыть что-то от Ивлада? Вдруг он уже закончил говорить с ними? Или, что хуже, умер…

Стражники у царских покоев встрепенулись, завидев Ивлада, но не стали преграждать ему путь, и младший царевич, бесшумно проскользнув внутрь, прошёл к помосту, на котором возвышалась большая кровать с расшитым пологом. Старшие братья, царевичи Ружан и Домир, сидели на скамье спинами ко входу, а на кровати, среди подушек, виднелось бледное лицо отца с синюшной язвой на левой щеке. Покрасневшие веки дрожали, но он не закрывал глаза, пристально смотрел на сыновей, и в нём угадывался прежний, властный и грозный царь, от одного присутствия которого все остальные будто бы даже становились чуть меньше ростом.

– У всех соседей наследником становится старший сын, – послышался недовольный голос старшего царевича, Ружана.

Отцовский взгляд смягчился, он даже протянул руку, будто хотел погладить Ружана по щеке, но тот отстранился и отвернулся. Завидев Ивлада, Ружан сурово свёл чёрные брови к переносице, став похожим на отца, когда тот был молод, здоров и грозен.

– Что ты здесь делаешь? Тебя не звали.

Грудь Ивлада сдавило от обиды, но он никак не показал, насколько задет.

– Я решил проведать отца, но, видимо, наткнулся на семейное собрание. Почему нас с Нежатой не пригласили?

– Потому что вы младшие. Юный царевич и сестрица. Этот разговор не для ваших ушей, – ощетинился Ружан. – Будь добр, подожди за дверью, пока мы не договорим.

– Ты пока не царь, чтобы принимать такие решения, – мягко возразил Ивлад. – Отец, я обращаюсь к тебе, а не к брату.

– Милый мой мальчик, – прошелестел царь. – Тебе правда лучше бы вернуться к себе…

– Я не уйду, – заупрямился Ивлад. – Тебе придётся продолжить разговор и смириться с тем, что у тебя трое сыновей. Не двое.

– Его нужно было больше пороть, пока не научился огрызаться, – процедил Ружан, не глядя на Ивлада.

– Не будь таким жестоким, – пожурил царь старшего сына. – Прости меня, Ивлад, за то, что обидел, пытаясь уберечь.

– Уберечь от чего?

Ивлад сел на скамью рядом с Домиром. Тот кивнул ему, виновато пряча взгляд. Слова отца попали в сердце острыми занозами, а что до Ружана, так он всегда старался ужалить окружающих побольнее. Ивлад привык к крутому норову старшего брата и почти перестал злиться на него.

– Уберечь маленького сыночка от бремени, – оскалился Ружан. – Отец, мне позвать Рагдая, чтобы вывел его?

Ивлад не выдержал и обернулся на Ружана, надеясь увидеть улыбку на его лице. Но Ружан не шутил и, казалось, правда едва не отправился за сыном воеводы.

– Сиди, – хрипло попросил царь. Разговор давался ему всё тяжелее, он сухо сглотнул и помолчал несколько минут, глубоко дыша.

– Ты в чём-то прав, Ружан, – вновь заговорил царь, когда Ивлад уже начал всерьёз беспокоиться за него. – Но пойми же, твой брат не становится менее достойным наследником из-за того, что ему не повезло родиться на свет позже тебя.

Ивлад понял, что царь лишь продолжил разговор, начатый до его прибытия. Может, отец даже успел позабыть, что Ивлад проник в покои незваным гостем?

– Но ты сам расставил нас на разные ступени, не позвав Ивлада, – возразил Ружан. – Значит, Домир стоит на ступень ниже меня – по праву рождения. Ты сам сказал, что ему не повезло родиться позже. А я много лет доказываю тебе, отец, что Аларское царство за моей спиной будет в безопасности.

Домир кашлянул в кулак, и Ивладу было ясно почему: единственную битву, которую отец доверил Ружану, он проиграл, заплатив сотнями жизней простых ратников.

Ивлад слушал молча и комкал в пальцах край отцовской простыни: ему было тягостно находиться здесь и видеть беспомощность отца, а ещё тяжелее – смотреть, как гневается старший брат, как раздувает по-бычьи ноздри, будто готовый вот-вот испепелить своей яростью больного старика.

– Не тобой написаны законы, и не тебе их менять, отец, – недовольно буркнул Ружан.

– Ты поймёшь меня, когда сам обзаведёшься женой и детьми, – вздохнул царь.

– Может, больше земель получит тот из нас, кто первым женится? – тихо предложил Домир.

Ивлад не удержался от осуждающего взгляда. Брат давно был сосватан, ему обещали младшую дочь правителя Северной Халкхи, чтобы укрепить союзничество и вместе противостоять нападкам верховных колдунов Стрейвина.

– Нет, – отрезал отец и закашлялся. – Посчитаете меня взбалмошным стариком и будете правы. Тот из вас получит мою власть, кто исполнит моё последнее желание. – Дыхание его стало совсем тяжёлым, и Ивлад заволновался: сумеет ли договорить? Не позвать ли слуг, чтоб успокоили и напоили отварами? Но царь прочистил горло и продолжил уже увереннее:

– В самом сердце Аларских земель лежит Серебряный лес – вы и сами знаете о нём и о том, насколько он опасен. Хозяйки леса не принимают гостей – только заманивают к себе слуг, туда трудно войти и ещё труднее вернуться, но всё же я попрошу вас пробраться к границам леса и доставить мне во дворец одну из диковинных птиц. Живьём. Вас прошу, Ружан и Домир, – возьмите дружину и лучшее оружие, а ты, Ивлад, будь рядом, останься со мной. Вы с Нежатой скрасите мои последние дни.

Младший царевич вздрогнул и невольно поднял взгляд. Над отцовским изголовьем в золочёной раме висело огромное пёстрое перо – няньки часто рассказывали Ивладу в детстве сказку: жил да был царевич, румяный и чернокудрый, и однажды на охоте он заблудился да забрёл в Серебряный лес. Блуждал он там до заката, а едва солнце скрылось, спустилась к нему дивная птица. Голова и шея у неё были женские, а всё остальное тело – птичье. Лицом она оказалась так красива, что царевич мигом забыл свою сватанную невесту. Полюбил царевич птицу-девицу, но нельзя им было оставаться вместе: Серебряный лес и его хозяйки не терпят людей, губят их жизни, а в людских землях диковинку разом поймали бы да заперли в клетку. Но и в клетке птица не прожила бы долго, зачахла вдали от родных мест. Проплакал царевич до утра, но собрал всё своё мужество и покинул возлюбленную, вернулся в отцовский дворец, выпросив у красавицы на память перо из крыла.

– На что тебе такое чудище? – удивился Домир.

– И что, правда оставишь все земли и корону тому, кто принесёт птицу? – не поверил Ружан.

Царь кивнул:

– Моим наследником станет тот из вас, кто первым привезёт живую девоптицу. Хочу посмотреть напоследок на такую красоту и услышать её дивный голос. Не будет мне без того покоя.

Все три брата замолчали. Старший хмурился, средний выглядел ошарашенным, а младший замер, ни жив ни мёртв.

– Почему я должен остаться, отец? – с обидой в голосе спросил Ивлад. – Разве не достоин младший сын того, чтобы хотя бы попытаться? Не ради власти. Я бы хотел порадовать тебя, отец.

Ружан едва не засмеялся.

– Куда тебе? Хил и тонок как девица, последний в очереди на наследство. Быть тебе в лучшем случае помещиком, а то и вовсе в монастырь уйти.

Ивлад стиснул зубы, но не стал спорить с братом перед отцом. Он и сам понимал, что Ружан отчасти прав: если кому из них быть царём, то старшему, сильному и плечистому, тому, кто уже вёл людей в бой, пусть и проиграл, а Ивладу, юному, безбородому, с тонкими белыми пальцами, только перебирать самоцветы да веселиться на чужих пирах.

– Меня волнует ещё кое-что, – произнёс Ружан. – В колдовстве погибель царской семьи. Ты и сам, отец, любишь это повторять. Так зачем просишь привезти колдовское чудище прямо в наш дворец?

Царь сухо сглотнул и скосил глаза на сына.

– Девоптицы – символ Аларии, не забывай. Не Стрейвина. Я не прошу приводить колдунов. Не прошу колдовать. Только саму девоптицу. Хоть одним глазком посмотреть… От её присутствия не случится ничего дурного. Колдовство действует по-другому.

Царь закашлялся, и Домир стиснул его жилистую руку.

– Не слушай Ружана, отец, – с жаром заговорил он. – Ружан вечно всё перевирает так, как ему удобно. Несчастье сулит пение девоптиц, а не сами они. Но разве станет она петь в клетке? Мы ей не позволим. Всё будет хорошо, отец.

Домир укоризненно глянул на Ружана, а тот недобро нахмурился в ответ. На скулах заиграли желваки.

Больше в тот день отец не проронил ни слова, опустил голову на пуховую подушку и заснул, измотанный разговором.

* * *

Ружан тут же велел собираться в путь и седлать ему коня. Домир ни на шаг не отставал от старшего брата: следовал за ним точно собака, а Ивлад погрузился в раздумья. Из головы не шли отцовские слова, в душе поселилась обида: отчего царь запретил ему даже пытаться? Метить на место Ружана у Ивлада не было намерений, но исполнить отцовскую прихоть ох как хотелось. Неужто правда станут счастливее его последние дни, если во дворце поселится девоптица?

На гульбище задувал ледяной ветер, смешанный со снежным крошевом. Ивлад продрог, но не возвращался во дворец, упрямо смотрел вниз, на двор, и до крови кусал губы. Вскоре через двор пролетели два коня: вороной и гнедой, взрыхлили снег и скрылись за поворотом дороги. За ними не отставая скакала личная дружина Ружана во главе с воеводиным сыном, Рагдаем. Ивлад уже догадался, что Домир вряд ли станет состязаться с Ружаном, только поможет старшему брату поймать девоптицу и получит часть его славы. Таков Домир, с самого детства привыкший быть позади Ружана.

В руку ткнулся мокрый нос. Ружан не взял с собой в дальний путь свою любимую борзую, белую в чёрных пятнах, и теперь она жалась к Ивладу.

– Потерпи, Тучка, скоро вернётся твой хозяин. – Ивлад потрепал борзую по холке.

С неба сыпал мелкий снег, блестящий, словно натолкли стекла и потрясли сверху. Серебряный лес и правда сверкал впереди, за пределами города, словно драгоценный ларец, и был он так далеко, что казалось, и за три дня туда не доскачешь, особенно в такой холод.

Наконец Ивлад не выдержал, спустился во двор и прошагал к царским конюшням, где стоял в тёплом деннике его любимый конь, белый в яблоках, с шёлковой гривой. Тучка семенила рядом, высматривая Ружана. По обеим сторонам от дороги высились сугробы в половину человеческого роста, а от крыш поднимался дрожащий дымок. Ивлад уже предвкушал быструю скачку сквозь метель, как конюший преградил ему путь.

– Куда вы собрались?

Ивлад вежливо улыбнулся:

– На прогулку. Застоялся мой Ветер, братья-то ускакали на своих, и моему размяться хочется.

Конюший покачал головой и упёрся рукой в перегородку денника, не давая Ивладу даже дотронуться до коня. Ветер недовольно захрапел, потянулся губами к хозяину.

– Не велено вас выпускать со двора. Мы выведем Ветра на прогулку, да и вы пройдитесь по саду, если хотите подышать. Но стражи вас не выпустят, таков приказ царя.

– Но Ветер хочет скакать со мной. Я могу взять своего коня сам. Что же ты, конюх, ослушаешься царского сына? – Ивлад старался придать своему голосу властности, но получилось скорее капризно. Он почувствовал, как кровь прилила к щекам, и стыдливо опустил взгляд.

– Ослушаюсь, лишь бы исполнить царскую волю, – ответил конюший. – Все стражи предупреждены, вас не выпустят. Скачите по двору, но за ворота вы не попадёте.

Ивлад глубоко вздохнул. Если бы на его месте оказался Ружан, уж ему бы точно не составило труда уболтать кого угодно, хоть самого Военега, царского воеводу, – да что там, даже Домир наверняка придумал бы какую-то хитрость. А он, Ивлад, стоит и молча открывает рот, как брошенная на берег рыба. Конечно, даже отец давно понял, что такому не стоит давать ни единой возможности сесть на трон. Разве способен он поймать девоптицу, если даже с конюшим договориться не может?

– Я же… просто порадовать хотел бы. Не ради власти, – пробормотал Ивлад, сгорая от неловкости.

Он достал из-за пазухи яблоко и протянул Ветру, не обращая внимания на грозный взгляд конюшего. Конь захрустел угощением, а Ивлад втянул голову в плечи, развернулся на пятках и пошёл прочь.

Во дворе Тучка возилась с сыном псаря, словно и позабыла о хозяине. На псарне кто-то из собак принялся протяжно выть, а другие подхватили, кто воем, кто тявканьем. Ивлад кивнул мальчишке-псарю, чтоб уводил Тучку к сёстрам и братьям – среди сородичей перестанет скучать по Ружану, – и тот, взяв борзую за ошейник, повёл её через двор.

Ивлад провожал Тучку задумчивым взглядом, как вдруг услышал оклик. Царевич обернулся и увидел сестру, спешащую к нему со стороны дворца.

– Ты что-то хотела, Нежата? – спросил он осторожно.

Сестра была старше его всего на два года, но Ивладу всегда казалось, будто даже Ружан её побаивается. О Нежате ходило много слухов, и пусть отец старался изо всех сил, чтобы о его дочери не толковали за пределами дворца, всё равно то и дело доносили, будто даже крестьяне зовут царевну сестрицей-ведьмицей. Ивлад слухам не верил: благоразумие сестры должно быть сильнее любопытства.

Нежата подбежала к брату и встала напротив него, разглядывая спокойными синими глазами, похожими на два глубоких пруда.

– Я слышала тот разговор. Отец не пускает тебя со двора? – догадалась она.

Ивлад молча кивнул. Прозорлива, и правда будто колдунья.

– Я помогу тебе, – зашептала Нежата, обернувшись по сторонам, чтобы убедиться, что никто их не подслушивает. – Мне не запрещено выходить. Да и все привыкли думать, что я… с причудами. Приходи позже к моим покоям, я дам тебе свою накидку, выведу и посажу на своего коня. Мы похожи с тобой станом – оба высокие и тонкие, а в темноте и вовсе никто не заметит подмены. Когда коня моего хватятся, ты уже далеко от дворца будешь. Только собирайся как следует, ничего не забудь. А пока вот, держи кое-что.

Нежата сунула в руку Ивлада какой-то мешочек, чмокнула брата в щёку и быстрым шагом пошла к крыльцу, на ходу поправляя платок. Ивлад постоял, глядя ей вслед: разгадала с одного взгляда всё, чем томилась его душа. Расширив горлышко, он заглянул в мешочек – внутри поблёскивал какой-то тёмно-серый порошок. Ивлад решил спросить Нежату позже, а пока вернуться во дворец, собраться да терпеть дотемна.

* * *

Ивлад тайком пробрался в отцовскую оружейную и выбрал тончайшую прочную сеть для охоты на фазанов, сложил в несколько раз и спрятал в мешок – сеть почти не заняла места. Свеча, что он захватил с собой, горела ярко, и сердце Ивлада громко колотилось от страха: вдруг заметят отсветы под дверью? Вдруг стражи придут с дозором в эту часть дворца? Как он объяснит, что делает в оружейной?

Двигаясь осторожно, стараясь не издавать никакого шума, Ивлад пересмотрел множество мечей и кинжалов, прикидывая, какой пригодится в пути, и решил выбрать тонкий длинный нож, а в помощь к нему – короткий лук и колчан лёгких стрел с такими острыми наконечниками, что даже смотреть на них было больно.

Сложил царевич и мех с водой, и тёплое шерстяное одеяло, и кошель с деньгами, и другие мелочи, а едва стемнело, постучался в покои Нежаты. Сестра-царевна открыла с первым ударом – ждала, как и обещала. Втянула брата за дверь и заперла изнутри, чтоб никто ничего не подслушал.

– Поедешь прямо сейчас, строго на север, – зашептала она без лишних вступлений. В светлице горела всего пара свечей, отчего глаза Нежаты сверкали таинственно, как звёзды. – Мой конь, Звездочёт, любит скакать морозными ночами. Луна серебрит дорогу, путь лёгким покажется. Но на красо?ты не любуйся, мчи скорее, если хочешь братьев догнать. А как приблизишься к Серебряному лесу, почаще голову задирай да наверх смотри.

– Уж догадаюсь, как птицу выследить. Не единожды на фазанов охотился, – хмыкнул Ивлад в ответ.

– Девоптицы – не фазаны, – покачала головой Нежата. – У них людские головы, и мысли людские, бывают даже ещё коварнее и хитрее. Они – жестокие чудовища, помни это, Ивлад. Убьёшь ненароком одну – навлечёшь гнев сотен чудищ на наши края. Слышал ведь…

– Смерть девоптицы предрекает гибель правителя, – продолжил за неё Ивлад.

– Верно, – кивнула Нежата. – Не слушай их песен, чтобы не растерять разум. Будь так осторожен, как только можешь. Утром я передала тебе мешочек. Он при тебе?

Ивлад молча достал его и показал сестре.

– Славно. Не забывай о нём. Это порошок ясного разума. Если птица начнёт говорить с тобой, опусти в порошок палец и оближи. Поможет не сойти с ума.

– Откуда он у тебя?

Нежата промолчала, прошла в дальний угол светлицы, откинула крышку сундука и вынула накидку – чёрную как ночь, с вышитыми серебряными звёздами. Ивладу говорили, что когда-то эта вещь принадлежала их матери. Царевич схватился за мягкую ткань, и на него пахнуло цветочными благовониями. Нежата набросила накидку брату на плечи, надела капюшон, пряча золотые кудри, и затянула у Ивлада на шее завязки.

– Никто тебя не узнает, – шепнула она, и Ивладу показалось, будто дыхание и слова сестры окутывают его невидимым волшебным облаком. Они правда были

одного роста и примерно одного телосложения, так что накидка пришлась впору. – А чтобы птица к тебе спустилась, укради яблоко из Серебряного леса. Братья такого не знают, только тебе подскажу. Сама у одного колдуна вызнала, только ты никому не говори.

– Спасибо тебе. – Ивлад улыбнулся и поклонился сестре. – Ты могла встать на сторону отца и отговаривать меня от похода, но всё же поддержала. Почему?

Нежата тихо рассмеялась, велела Ивладу разгибать спину и не отвешивать больше поклоны. Как только их глаза вновь встретились, лицо царевны стало серьёзным.

– Потому что ты мог бы стать лучшим царём, чем Ружан. Он жесток и хитёр, я боюсь, что он в сговоре с воеводиным сыном. У меня тёмные предчувствия.

Ивлада испугали слова сестры.

– С Рагдаем? Ты подозреваешь, что они могут пойти против воли отца?

– Не буду винить голословно, – вздохнула царевна, – но сердце моё чует, а глаза видят, что братец непрост. Потому я желаю тебе удачи, Ивлад. Скачи и добудь отцу девоптицу. Звездочёт послушает тебя, едва учует мой запах с накидки. Возвращайся быстрее. Не оставляй меня здесь одну надолго. За ужином я скажу, что ты приболел и не спустишься. Тебя не сразу хватятся.

Нежата поцеловала Ивлада в щёку и подтолкнула к двери. Крепко обняв сестру на прощанье, царевич поспешил прочь из дворца, через двор в конюшни, к стойлу Звездочёта, склонив голову так, чтоб светлые волосы не виднелись из-под капюшона.

Ярко светил месяц, и царский двор был пуст. Со стороны кухонного крыла гремела посуда – слуги готовились к ужину. Стражи медленно обходили стену, а у конюшни, пряча зевок в сгиб локтя, скучал помощник конюшего, тощий мальчишка, которому шапка едва не падала на глаза. Ивлад стремительно проскользнул внутрь, попрощался со своим Ветром, пообещал вернуться скорее, оседлал Звездочёта и помчался со двора. Ворота открыли издалека, и правда приняв его за взбалмошную царевну, и Ивлад погнал коня во весь опор, взрыхляя снег.

Глава 2. Девоптица

Под утро конь Нежаты начал уставать, да и сам Ивлад был готов выпасть из седла. Занемела спина, замёрзли руки, но если бы не сбивающийся шаг Звездочёта, царевич упрямо скакал бы и дальше, лишь бы нагнать братьев.

Завидев впереди тусклые мигающие огни постоялого двора, Ивлад направил коня рысью. Снежные крошки продолжали сыпаться сверху, оседали на ресницах и покалывали губы. Снег забивался за воротник, застревал в волосах – капюшон Нежатиной накидки сполз от быстрой скачки, и вьюга трепала пряди, покрытые инеем.

Деревня притаилась на холме, в объятиях елового леса. Ивлад бывал здесь не раз – проезжал мимо во время долгой псовой охоты, которую так любил Ружан. Здесь находился постоялый двор, но члены царской семьи и их свита редко останавливались в деревнях, предпочитая боярские усадьбы.

Спешившись у ворот постоялого двора, Ивлад обернулся. Позади величественно дремал Азобор, столица Аларского царства, и родной дворец перемигивался огнями – проснулись слуги, а может, и не спали, заметили, что младший царевич пропал… Ивлад мотнул головой, и снежинки с волос посыпались под ноги.

Тяжёлые ворота, сложенные из посеревших от времени брёвен, были покрыты белой наледью, и там, где ударялся кулак Ивлада, оставались влажные следы. Ударив раз пять подряд, Ивлад закусил губу: звук выходил каким-то тихим, хилым, вряд ли таким стуком можно было разбудить хозяев. Но всё же скоро послышалась возня, и ворота отворились. Хмурый мужчина, заросший бородой настолько, что с трудом угадывалось выражение лица, оглядел Ивлада с ног до головы и хмыкнул.

– Отдыха и горячей еды?

Ивлад молча закивал.

– Пойдём.

Мужчина без лишних просьб взял коня под уздцы и махнул подбородком, указывая Ивладу следовать за ним.

– Конь, поди, яблоки любит?

– Л-любит.

– Дадим, коли заплатишь. А денег у тебя, видать, предостаточно.

Ивлад слегка огорчился, когда понял, что здесь с него будут трясти столько, сколько смогут, – ясное дело, нечасто в деревни заезжают богато одетые путники на ухоженных скакунах. Эх, подумать бы наперёд и раздобыть неприметный наряд…

Убедившись, что конь Нежаты встал в стойло и получил мешочек овса, Ивлад протянул хозяину золотник. Мужчина быстро спрятал монету, ловким движением пристроив куда-то за шиворот, и указал на крохотный теремок в два яруса, где из труб тянулся дым, лунно-зеленоватый в предрассветном сумраке.

Настроение Ивлада немного поднялось, когда он шагнул на ступени и почувствовал тёплый запах съестного. Над входом в харчевню было выцарапано яблоко – небольшое и неприметное, но взгляд Ивлада сразу за него уцепился. Его это насторожило: яблоки в Алярии рисовали нечасто, это означало, что в заведении будут рады принять колдунов. Но чтобы так близко от столицы… А стоило Ивладу потянуть дверь на себя и войти внутрь, как он вновь упал духом.

В зале было темно, чадила лишь пара толстых оплывших свечей, спрятанных где-то в дальнем углу. Негромко и гортанно переговаривались немногие посетители – наверное, всю ночь тут веселились. То и дело слышались звуки, с какими дешёвые глиняные кружки ударялись донцами о дощатые столы. Помимо нехитрой еды, здесь пахло гарью, сыростью и чем-то новым, странным и неприятным. Ивлад поднял воротник, пряча нос, и почти на ощупь двинулся вдоль стены. Понемногу глаза привыкли к мраку, и Ивлад, отыскав свободный стол, хотел было сесть на скамью, но вовремя заметил, что сиденье покрыто пятнами грязи и остатками засохшей похлёбки. К горлу подступила тошнота, Ивлад вцепился в мягкий бархат накидки и нащупал пуговицы: нельзя испортить дорогую вещь сестры, замарав о грязную лавку. Расстегнувшись до половины,

Ивлад сообразил, что под накидкой у него – алый кафтан, расшитый серебряной нитью. Тоже не лучший наряд для подобных мест. Проклиная себя за глупость, он ощутил, как кровь приливает к шее и щекам.

Ребёнком Ивлад частенько забегал на дворцовую кухню: там всегда было тепло и светло, розовощёкие кухарки пели песни и постоянно что-то готовили к царскому столу. Младшего царевича они обожали: Ивладу в руки сразу сыпались пряники, ещё липкие от незастывшей глазури, тёплые пирожки и глангрийские цукаты из дивных ароматных фруктов. Наевшись, он оставался у одной из огромных печей и слушал сказки, песни, былички, а иногда и засыпал, разомлев от вкусной еды и тепла.

Харчевня на постоялом дворе не имела ничего общего с царской кухней – даже едой здесь пахло иначе, грубо, резко, навязчиво. Вместо звонких голосов кухарок – ругань, под ногами – грязная слякоть.

«Странно было бы ожидать другого», – попытался подбодрить себя царевич.

– Так и будешь стоять, богатенький? – хрипло хохотнул кто-то над самым ухом.

Ивлад вздрогнул и поднял глаза на незнакомца: мужчина был так же бородат, как и хозяин, но одет куда хуже, да и пахло от него чем-то отвратительным.

– Да, я постою, – ответил Ивлад, отводя взгляд. Почему-то ему было стыдно смотреть на мужчину.

– Замараться боишься?

Тяжёлая ладонь опустилась на плечо, пригвождая Ивлада к месту. Он скривился.

– О-ой, ещё и носик морщишь как девица! А вдруг и правда девица? Вас, безбородых богатеев, и не разберёшь!

– Простите… – вымолвил Ивлад, выворачиваясь из хватки незнакомца. – Я просто ехал мимо.

– Не тронь моего гостя, Ибгар, – окликнул уже знакомый голос. Внутрь, стряхивая снег с одежды, вошёл хозяин. – Аичка, тащи пожрать!

Мужчина в последний раз смерил Ивлада недобрым взглядом и убрал руку с его плеча. Ивлад тут же принялся отряхивать накидку в том месте, где лежала чужая ладонь. Из глубины зала послышались смешки.

– Садись, сейчас Аичка принесёт еды, – сказал хозяин и двинулся в сторону двери, ведущей, должно быть, в кухню.

– Б-благодарю. Я постою. – Ивлад гордо вскинул подбородок, ожидая новую волну смеха. И не ошибся: харчевню едва не разорвало от хохота.

Скоро прибежала Аичка – молодая кругленькая девушка с рыжей косой. Хитро сощурив лисьи глаза, она поставила перед Ивладом миску, накрытую толстым ломтём хлеба, и глиняную кружку, каких Ивлад отродясь не видел.

– Благодарю, – снова сказал он и протянул Аичке, как и хозяину, золотник. Девушка заулыбалась и бесстыдно сунула монету в вырез платья. Ивлад закашлялся, поспешно отвернувшись.

Есть стоя было неудобно. Миска оказалась слишком горячей, ложка – толстой и шершавой, а похлёбка – не очень-то вкусной. В жирном бульоне плавали крупные куски лука и моркови, попался даже жилистый кусок мяса. Зато хлеб с семенами оказался неплох, и Ивлад почувствовал себя значительно лучше, наполнив желудок горячим.

– Ну а теперь, – тяжёлая рука вновь упала на его плечо, Ивлад вздрогнул и пролил бульон на кафтан, – ты и с нами поделишься золотом. У тебя его много, да? Не пожалел даже за Аичкино грошовое варево отдать золотничок.

Мужчина засмеялся. Ивлад отставил пустую миску и обернулся – ну конечно, тот самый бородатый задира Ибгар не пожелал оставить его в покое. Только в этот раз к нему присоединились ещё четверо – наверное, все те, кто сидел в тёмном углу. От них кисло пахло спиртным, только не сладким вином, а чем-то другим, землисто-болотным.

– Я плачу за услуги, – ответил Ивлад. – За приют для коня и за обед. Простите, но вы ничего не сделали мне.

– Как насчёт сохранения жизни? – осклабился самый высокий из мужчин, худой, с лицом, покрытым щербинами. – Мы тебя не убьём, а в обмен ты оставишь нам всё, что есть. Включая оружие.

Точно, оружие! Ивлад потянулся за ножом, который висел на поясе, но Ибгар перехватил его запястье и стиснул так сильно, что у Ивлада брызнули слёзы.

– Шустрый щенок, – шикнул Ибгар. – Ребята, посмотрим на ножик? Наверное, о-остренький!

Нож вышел из ножен, блеснуло лезвие в полумраке харчевни. Ивлад дёрнулся, пытаясь отобрать своё оружие, но Ибгар с силой толкнул его в грудь. Ивлад упал на пол, как раз туда, где скопилось больше всего грязного талого снега вперемешку с мусором.

«Отец вас повесит», – хотелось злобно крикнуть, но быстро пришла и другая мысль: «А тебя не повесит ли за непослушание?»

Ивлад стремительно поднялся на ноги, горя? от злости и унижения. Рябой мужчина заметил кошелёк у него на поясе и метнулся куницей, растопырив пальцы, но Ивлад остановил его точным ударом в нос. Мужчина завыл, на пол брызнула кровь, и вся харчевня взорвалась криками.

– Режь его!

– Проще будет!

Ивлад вскочил на стол и спрыгнул с противоположной стороны, надеясь хоть так защититься от нападающих. Почти сразу он понял, что это был плохой замысел: Ибгар толкнул стол, и тот впечатал Ивлада в стену.

– Пятеро на одного?

Чей-то голос прозвучал ясно и грозно, холодом разрезав душный полумрак. В харчевню вошёл незнакомец: статный, широкий в плечах, нестарый, но с полностью седыми волосами. Весь его облик выражал спокойное величие и затаённую силу – Ивлад не заметил при нём оружия, но отчего-то обидчики разом отпрянули от царевича, не скрывая разочарования.

– Господин Вьюга, да мы так, развлекались просто, – заныл рябой.

– Развлекайтесь работой, – мрачно отозвался тот, кого назвали Вьюгой. Он остановился посреди зала и повернул лицо к Ивладу, внимательно, но без враждебности разглядывая того холодными серо-голубыми глазами. – Пойдём со мной.

Ивлад выбрался из-за стола, поспешно схватил свой нож, обронённый в грязь, протёр уголком Нежатиной накидки, уже напрочь испачканной, и сунул обратно в ножны. Он тянул время, не зная, что хуже: остаться здесь или пойти со странным незнакомцем.

– Ты ведь Ивлад? Идём, – повторил мужчина уже настойчивее и шагнул к царевичу.

Только сейчас Ивлад заметил, что на нём почти такая же накидка, только будто вывернутая наизнанку: чёрные звёзды на серебре.

– Иду, – сдался он, не в силах побороть любопытство.

Ивлад вышел вслед за Вьюгой. Уже почти рассвело – не такой уж ранний стоял час, да только долгая зимняя ночь не спешила отступать. Мрак рассеивался под натиском зеленовато-золотистого утра.

– Сюда.

Вьюга, не оборачиваясь, поднялся на крыльцо небольшого терема – что там терема, крепкой избы, украшенной парой башенок. Ивлад и здесь увидел вырезанное яблоко на дверном наличнике. Ноги будто приросли к ступеням.

– Дальше я с тобой не пойду, – заявил он. – Говори здесь.

Вьюга наконец-то обернулся и изогнул седую бровь, но, бросив беглый взгляд на дверь, кажется, догадался.

– Не бойся. Наши с тобой имена не стоит трепать на улице. Ты уже отобедал в харчевне с яблоком. Не боялся ведь, что стряпуха тебя проклянёт или добавит что-то в суп?

Насмешливая интонация задела Ивлада – он сильнее засмущался, но продолжал упрямо смотреть исподлобья.

– Сейчас, в грязной одежде и с растрёпанными волосами, ты вовсе не похож на того, кем на самом деле являешься. – Вьюга развернулся к Ивладу всем телом и скрестил руки на груди. – Зову в последний раз. Откажешься говорить – не буду настаивать. Мне, по большому счёту, ничего от тебя не нужно, я лишь выполняю просьбу человека, близкого нам обоим.

Он тронул ручку, открывая дверь. Ивлада немного успокоило то, что Вьюга не собирался затаскивать его в терем силой, а любопытство жгло всё сильнее. Собравшись с духом, он шагнул внутрь.

Они остановились только на втором ярусе – комната Вьюги была под самой крышей, зато с балконом. Ивлад то и дело с опаской косился на своего нового знакомца: тот казался страшно угрюмым и холодным, под стать своему странному имени. На всякий случай Ивлад не убирал руки с ножа, хотя понимал, что вряд ли ему хватит смелости пустить его в дело, случись что.

– Ивлад Радимович, тебе было велено не ступать из дому, – проговорил Вьюга сквозь зубы, едва запер дверь.

– Кто… кто ты всё-таки такой? – Ивлад вскинул подбородок и крепче сжал пальцы на рукояти ножа. – Откуда меня знаешь? Тебя прислал отец? Я не видел тебя в дружине.

«Или – что куда хуже – его прислали отцовские враги. Стрейвинцы, к примеру. Не стоило идти с ним», – мрачно думал Ивлад.

– Моё имя ты слышал. Я – Вьюга. И нет, с царём я не знаком.

Ивлад сглотнул, наконец-то догадавшись.

Дурное предчувствие о Стрейвине не обмануло. Любой из стрейвинских колдунов принадлежит к штормовым, огненным, вьюжным или зверословам. Иные могут совмещать свои умения, развивая силы. Но из тех, кто пошёл по пути единственной силы, есть четверо самых могущественных, чьё колдовство выросло настолько, что почти поглотило человеческую сущность. Даже сами их имена – Шторм, Пламя, Вьюга и Зверь – говорят о том, что колдовского в них стало куда больше, чем человеческого. Ох, знал бы Ружан, что здесь, совсем рядом от Азобора, один из тех колдунов, кто забрал его покой в том сражении…

– Тогда чего тебе от меня нужно?

Вьюга слегка улыбнулся, и его лицо словно оттаяло. Он указал Ивладу на кресло. Обивка была потёртой и пыльной на вид, но Нежатиной накидке и так досталось, поэтому Ивлад сел почти без колебаний.

– Если со мной что-то случится, – продолжил он, – отец отыщет тебя. И всему Стрейвину отзовётся царский гнев.

Вьюга вскинул руку:

– Я не пытаюсь запугать тебя, царевич. Стал бы я спасать тебя от тех выпивох? Нет, Ивлад, не в моих правилах сперва выручать, а затем предавать. Меня послала твоя сестра.

– Нежата?

Вьюга вскинул брови:

– Не знал, что у царя несколько дочерей.

Ивлад смутился, но не опустил глаза.

– Откуда ты её знаешь?

По лицу Вьюги пробежала тень удивления.

– Она не рассказывала тебе обо мне?

– Не рассказывала что?..

В памяти тут же всплыло всё, что шептали о Нежате служанки: Ивлад слышал обрывки их разговоров, когда проходил мимо, но девушки тут же замолкали и делали вид, что заняты делом.

«Царевна-то наша колдовать ходит».

«У царевичей сестрица – ведьмица».

«Ох, несдобровать, коли колдовство доберётся до царской семьи»…

Ивлада больно кольнуло: они с Нежатой с детства были ближе, чем со старшими братьями, проводили много времени вместе, играя во дворе, а став взрослее, могли подолгу разговаривать о ерунде и объедаться пастилой, скрывшись в царевниной светлице и отослав слуг. Ивлад, как и все, замечал за Нежатой, что её глаза загораются любопытством, стоит кому-то хоть заикнуться о колдовстве. В последний год у неё даже появились и тёмное зеркальце, и баночки с порошками, и шептала она порой что-то странное, непонятное. Ночами, бывало, даже сбегала на кладбище – Ивлад полагал, что на могилу матери. Выходит, скрывала что-то от младшего братца?

– Мы давно знакомы с Нежатой, – вздохнул Вьюга и устало потёр глаза. – Она… Мы… Лучше, конечно, если она сама тебе расскажет, Ивлад. В общем, Нежата попросила меня позаботиться о тебе в пути.

Ивлад вспыхнул:

– Вы с Нежатой – любовники?! Да Ружан и отец тебе голову снесут!

– Давай без этого, прошу. Я не говорил ничего такого, ты сам всё додумал.

– Я не нуждаюсь в покровительстве! – Ивлад вскочил и сжал кулаки. – Тем более – в покровительстве стрейвинца! Будь так добр, не отнимай более моего

времени.

Пылая от возмущения и ужаса, он кинулся мимо Вьюги, едва не задев колдуна плечом, и выскочил во двор.

Солнце наконец-то лениво выползло из-за холмов, рассыпало серебро по округе. Иней сверкал на постройках, слепя глаза. Надев седло и подправив упряжь Нежатиного Звездочёта, Ивлад похлопал его по морде и вскочил на спину.

Выехав с постоялого двора, Ивлад ощутил, что, помимо гнева, его подгонял страх. Только что он оставался один на один с сильнейшим колдуном, предводителем всех вьюжных, – и ему повезло остаться в живых. Как Нежата могла раскрыть этому человеку то, что Ивлад, младший царевич, пустился в путь совсем один? Как могла отправить его к брату? Насколько же безграничным должно быть её доверие…

В колдовстве погибель царской семьи – так шептались в любой деревне, в любом городе, в самом царском дворце. Увлечение юной царевны колдовством расползалось слухами, их почти не воспринимали всерьёз, но теперь Ивлад понял: Нежата заигралась до того, что посмела поставить под удар и его жизнь, и жизнь всей семьи. Что станет с братьями и отцом? Что станет с Аларией, если царская семья будет отравлена колдовством? Ведь и болезнь отца, как поговаривали, была вызвана тёмными силами.

Ивлад гнал коня, даже позабыв плотнее запахнуть накидку. Злой ветер и мороз щипали за нос и уши, кусали пальцы, а Ивлад всё вжимал пятки в конские бока и втягивал обжигающий воздух сквозь сжатые зубы.

* * *

Скучны зимние дни и ночи: тёмные, морозные и томительные, тянутся-тянутся, как засахарившийся мёд, и один на другой так похож, что не различишь.

Но скучнее всего – молодым девоптицам.

Лита любила подолгу слушать новых служанок: они рассказывали про свои дома и деревни, иные даже успели побывать в городах и насмотреться такого, чего

Лита и представить не могла.

Тут, в Серебряном лесу, всё было белым и сероватым, каждый день в точности повторял предыдущий: девоптицы беседовали, угощались золотыми яблоками, принимали уход от служанок – им расчёсывали длинные волосы, заплетали косы, вплетая в них жемчужные нити и крохотные звенящие бубенцы. Потом они снова общались, слушали песни старших, провожали ночных дозорных и готовились ко сну.

Служанки приходили ненадолго, лес выпивал их досуха за короткие месяцы, и вместо них приводили новых, с другими историями. Однажды служанка – её звали Айвра, Лита даже запомнила её имя – рассказывала о южном море, где дивные чудища машут плавниками проплывающим кораблям, на которых в Аларию везут шелка и ароматные масла; рассказывала о рынках Глангрии, где драгоценные камни насыпают покупателям прямо в кошельки, где от запахов специй свербит в носу, а жара стоит такая, что посетители закрывают лица и головы влажными тканями. Лита не могла себе представить ни жару, ни ароматы специй, ни гул людских голосов – Серебряный лес был скуп на цвета, запахи и звуки. Она смотрела на свои бусы и мониста, на бежевые жемчужинки в рыжеватых волосах и щурилась, пока блеск камушков не начинал дробиться – так можно было хотя бы отдалённо представить, как блестят драгоценности на прилавках.

Иногда ей казалось, что лес держит их в оковах, сжимает когтями вместе с сёстрами-девоптицами и не даёт посмотреть на жизнь. Ни одна девоптица не осмеливалась надолго покинуть серебряные своды, потому что вдали от леса и его колдовских яблок теряла силы и любое путешествие могло обернуться смертью.

Вечерами старшие девоптицы рассаживались на высоких яблонях и затягивали песни. Сперва их голоса тихо перекатывались, журчали слабыми ручейками, но потом одна из сестёр запевала мелодию: иногда – красиво-переливчатую, иногда – резковато-тревожную, и остальные подхватывали.

Говорили, будто пение девоптиц способно лишать людей разума и сжигать города, но Лита в этом очень сомневалась. Пение как пение, не слишком-то громкое, чтобы было слышно даже на другом конце леса. И никаких чар в нём, должно быть, давно уже не осталось.

Сама Лита к пению никогда не присоединялась. Голосок у неё был слабый, «маленький», как говорила старейшая из девоптиц, Верина. Таким петь – только выставлять себя на посмешище. Поэтому она садилась где-нибудь пониже, прислонялась телом к яблоневому стволу и слушала, блаженно щурясь. Иногда к ней подсаживались подружки-сестрицы, но Лите нравилось слушать песни в одиночестве – так ей казалось, что голоса и мелодии льются прямо в сердце тёплым мёдом.

Но скучнее всего было на самую маковку зимы, когда день короток, а ночь длинна и тосклива. Тогда старшие птицы выводят младенцев в огромных гнёздах, свитых из блестящих серых ветвей. Серебряный лес становится колыбелью, и старшие девоптицы только и заняты тем, что выхаживают неказистых детей со сморщенными розовыми лицами и телами, покрытыми прозрачным пушком, а младшие сёстры облетают границы, чтоб ни один человек не посмел нарушить их покой.

В ту долгую ночь Лита стерегла лес вместе с полудюжиной таких же дозорных. Скука терзала юную девоптицу посильнее мороза: Лита, перелетая от дерева к дереву и сбрасывая с серебристых веток снежные шапки, добралась до самого края леса, туда, где вилась через болота едва заметная тропа.

Когда наступало время, по этой тропе в Серебряный лес приходили новые служанки-помощницы. Лита любила смотреть на тропу и представлять, как она извивается дальше, вливается в широкую дорогу, а та ведёт к городам, полным людей, голосов и запахов…

Луна заливала тропу бледным светом. Сперва Лита уловила какое-то движение: может, зверь рыщет в поисках добычи? Но нет. Чей-то силуэт стремительно мчался к Серебряному лесу, увеличиваясь в размерах.

Лита замерла и стала присматриваться, осторожно перебираясь с ветки на ветку, чтобы оставаться незамеченной. Человек? Всадник! Что понадобилось человеку от Серебряного леса? Зачем пожаловал он в ту самую пору, когда никто не отваживался беспокоить девоптиц?

Поднимать тревогу не хотелось. Старшие птицы-матери не любят, когда будят их новорождённых дочерей. Если повезёт, незнакомец просто посмотрит на лес и поскачет дальше, но если он пришёл за яблоками, то придётся звать

предводительницу сегодняшнего дозора, темнокрылую Грайю.

Всадник проскакал последние болотистые участки. Мороз сковал болота прочной ледяной коркой, но под весом коня лёд всё равно крошился, и под копытами рыхлилась чёрная илистая почва. Высоко задирая ноги, конь выбрался на твёрдую утоптанную землю и встал, отфыркиваясь. Человек стянул капюшон, и месяц залил светом его золотые кудри. Вскинув голову, юноша стал осматриваться.

Лита затаила дыхание и сжалась, спрятавшись среди веток. Она редко видела людей так близко, не считая служанок, и любопытство раздирало её изнутри, а вместе с любопытством вскипал и гнев: кто посмел приблизиться к лесу? Чего он так нагло глазеет?

Но юноша оказался настолько красив, что Лита загляделась. И сами девоптицы, и все их служанки были женщинами – к человеческим мужчинам старшие девоптицы улетали лишь в середине лета, выждав день, когда новолуние превращало их из крылатых красавиц в подобие людей: вместо крыльев вырастали руки с тонкими пальцами, вместо когтистых лап – стройные ноги, а перья уступали место нежной человеческой коже. Лите пока не позволяли присоединяться – молода ещё была, но она видела, как летом, в самую короткую из ночей, мужчины из ближайшей деревни жгли костры с девоптицами, обращёнными на людской манер. Лита с другими юными сестрицами сидела у ручья в ивняке, слушала соловья и угощалась булочками-плетёнками, которые люди приносили с собой на праздник, – это была единственная человеческая пища, которую пробовали девоптицы.

Те мужчины не казались ей красивыми: многие из них ходили с жёсткими бородами, а сами были широкоплечие и грубые, будто глиняные фигурки, вылепленные неумелой рукой.

Но этот чужак от них отличался.

Лита подалась вперёд, чтобы получше разглядеть его лицо, и ветка под её лапами хрустнула, осыпав юношу снегом. Незнакомец вскинул голову и уставился прямо на Литу, приоткрыв от удивления рот.

Лита захлопала крыльями, но тут юноша завёл руку за спину, вскинул лук, и, прежде чем Лита успела перелететь на другое дерево, её левое крыло пронзила боль. Девоптица вскрикнула, забилась, но раненое крыло перестало слушаться, и Лита, роняя перья, упала наземь.

Незнакомец спрыгнул с коня и кинулся к Лите, на ходу доставая что-то из мешка. Миг – и вокруг рта Литы затянулась повязка, а тело накрыла прочная сеть, и чем больше девоптица билась, тем сильнее запутывалась, тем больше красных капель падало из крыла на снег. Выбившись из сил, она распласталась на земле, тяжело дыша и испепеляя незнакомца взглядом.

«Тебе это с рук не сойдёт», – хотела прошипеть Лита, но губы были плотно стянуты отрезом ткани.

Совсем скоро подруги заметят её пропажу – да что там, наверняка уже слышали её вскрик, и несдобровать тогда людям. Гнев девоптиц страшен, и издревле местные избегали ссор с ними, задабривали дарами и красивыми словами. Такую обиду человеку ещё долго не простят, и будут проклинать его род все соседи по селу или городу.

– Ты даже не пытайся ничего сказать, я твои слова слушать не стану, – дерзко ответил ей юноша, стянул сеть так сильно, что стрела ещё глубже вошла в крыло, и из глаз Литы брызнули слёзы. Юноша схватил Литу поперёк тела, как куль, и забросил на спину коню, а сам вскочил обратно в седло и пришпорил скакуна.

* * *

Встреча с Вьюгой не прошла для Ивлада даром: он зло и резво мчался с самого утра и лишь однажды остановился подкрепиться и отдохнуть. К вечеру понял, что подобрался к Серебряному лесу совсем близко. В груди радостно затрепетало: вот же, ровная дорога, без следов коней братьев. Может же быть, что он добрался первым?..

Ивладу даже не пришлось заходить в сам лес: чудище по глупости подобралось так близко к границе, что, когда стрела вонзилась в крыло, рухнуло прямо на тропу. Всё дальнейшее произошло быстро и вовсе не так захватывающе, как

Ивлад себе представлял. Он завязал девоптице рот, чтоб не вздумала петь и морочить его разум, а она и не пыталась, притихла как-то совсем уж нехорошо и долгое время даже не дёргалась. Ивлад то и дело присматривался, дышит ли, и успокаивался, заметив, что пернатая грудь всё же вздымается.

Ускакав наконец подальше от Серебряного леса, Ивлад остановил коня посреди замёрзших болот. Ночь подходила к концу, брезжил на востоке серый предвестник восхода, а Серебряный лес за спиной стоял безмолвно и недвижимо, посверкивал инеем. Ивлад то и дело оборачивался на него и прислушивался: не доносятся ли крики девоптиц? Не заметили ли чужака?

Спешившись, он стянул вниз чудовище в сетке. Красивая тонкая сеть испачкалась кровью, и Ивлад вдруг почувствовал к пойманной девоптице острую жалость.

Усталость и напряжение навалились разом, а вместе с ними – чувство вины. Аккуратно, дрожащими руками распутав сеть, Ивлад вызволил чудище. Девоптица упала на снег, разметав по земле раненое крыло. Стрела по-прежнему торчала, сверкая в лунном свете, перья вокруг раны слиплись и потускнели. Ивлад досадливо потёр лоб.

– Прости меня, – пробормотал он, сцепив озябшие ладони. – Сейчас. Потерпи немного.

Ивлад достал из мешка мазь и тряпицы, осторожно вытащил стрелу и перевязал крыло. Девоптица лежала смирно, но, взглянув в её лицо, Ивлад увидел блестящие дорожки слёз.

– Извини, – беспомощно повторил царевич. – Но повязку со рта не сниму. Не бойся, больше я ничего тебе не сделаю. Только привезу во дворец. И тут же верну обратно. Не держи на меня зла.

Он не стал разводить костёр, чтобы не привлечь внимания других девоптиц. Съел немного из запасов, которые успел набрать во дворце, выпил воды, насыпал Звездочёту овса и сел передохнуть хоть на пару минут.

В голове вертелись и вспыхивали сумасшедшие мысли. Видеть перед собой живую девоптицу было странно. С раннего детства Ивлад встречал их

изображения на всём подряд: на пуговицах, на сундуках и туесках, на домовой резьбе и даже на платках, которые вышивала в детстве сестра. А тут – вот она, живая девоптица, такая же, как на картинках, только краше. Перья такие крупные и переливаются, куда больше и ярче, чем у тетерева или фазана. Когти на лапах крепкие, изогнутые, вспорют живот одним махом, если потребуется. До ключиц всё птичье, а выше – девичье лицо. Закрой тело, и покажется, будто девушка на снегу лежит, да не простая, а боярская дочка в лучших бусах и серьгах, лицом нежная, а глаза так и стреляют гневом, зелёные и блестящие, словно самоцветные камни.

В груди у Ивлада затрепетало: смешивались и страх, и тревога, и любопытство. До того чудно? было смотреть на девоптицу, что он не понимал, чего ему больше хочется: дольше любоваться или скорей отвернуться. Смутившись, царевич всё-таки опустил взгляд.

Он сунул в рот кусок хлеба, отряхнул руки и прислушался: не доносится ли топот коней братьев? Пока Ивлад скакал к Серебряному лесу, он не видел даже следов лошадиных копыт. Пусть шёл снегопад, но всё же остались бы видны колеи от конного отряда, так что он был почти уверен: ни Ружан, ни Домир не были здесь, а другого пути быть не может. Вдруг с ними что-то случилось? Нужно тогда отыскать их и помочь…

Выходит, он всё-таки первым поймал девоптицу? Эта мысль была такой ошеломляющей, что Ивлад сперва замер, привыкая к ней, а потом зачерпнул горсть снега и протёр лицо. И почему отец не хотел его пускать? Вот, пусть увидит: младший справился, а старший и средний сыновья куда-то запропастились. И не спешили, быть может, а заезжали в каждый трактир и останавливались в каждой усадьбе по дороге, как на охоте, пировали и выпивали.

Передохнув, Ивлад снова положил девоптицу на Звездочёта и сам вскочил в седло, но не успел конь набрать скорость, как на тропе перед ними вырос силуэт всадника. Сперва Ивлад почти обрадовался: подоспел Ружан! Но всадник приблизился, и Ивлад узнал его: это был Рагдай, сын отцовского воеводы и верный Ружанов спутник.

– Рагдай? – воскликнул Ивлад. – Ты-то что тут делаешь? Тебя послал Ружан? Ты… один?

В голове заворочались подозрения. Что, если братья так и не смогли добраться? Неужели до леса доскакал один Рагдай?

– Его послал Ружан. – Знакомый голос прозвучал за спиной твёрдо и ясно.

Ивлад обернулся и едва не рассмеялся от облегчения, увидев брата живым и здоровым, но радость быстро сменилась страхом. Ружан сидел в седле, опустив голову, и медленно натягивал тетиву лука, метя Ивладу в грудь.

Звездочёт заржал и встал на дыбы, едва не сбрасывая с себя девоптицу. Ивлад и сам с трудом удержался в седле.

– Отдай мне чудище, братец, – спокойным тоном проговорил Ружан. – Иначе мы сами возьмём.

Из-за спины Рагдая выступил Домир, а с ним ещё несколько воинов показались из-за деревьев: личная Ружанова дружина, с которой он не расставался ни на охоте, ни на прогулках, ни во время других забав. Все они были при оружии, на лихих конях, и Ивладу стало по-настоящему не по себе.

– Что ты задумал, Ружан? Ты знал, что я не останусь дома и первым добуду птицу для отца?

Старший царевич спешился и приблизился к Ивладу, кривовато улыбаясь и не убирая стрелу с тетивы. На поясе у него висел боевой меч. Ивлад тоже спрыгнул с коня, но руку продолжил держать на раненой девоптице. Звездочёт недоверчиво фыркал, почуяв неладное, и начал пятиться.

– Не бойся, малыш. – Ружан медленно убрал стрелу и протянул руку, будто хотел похлопать Ивлада по плечу – совсем как в детстве, когда они ссорились из-за игрушек или других мелочей, а няньки требовали скорее помириться, чтобы не расстраивать царя. – На что она тебе? – Он кивнул на связанное чудовище. – Никогда аларский престол не доставался таким, как ты. Если бы не блажь старика с этими птицами, стал бы ты спорить с тем, что я – законный наследник?

Ивлад сглотнул, не зная, верить улыбке брата или нет. Было в его словах что-то доверительное: и правда, никто бы не стал перечить, если б отец умер, не

высказав последнего желания. Старший сын на то и старший, чтобы унаследовать царство… Но раз отец пожелал, чтоб наследник доставил ему девоптицу, значит, у него были на то причины и он допускал, что и Ружан, и Домир одинаково достойны. И будто дополняя скачущие мысли Ивлада, Ружан мягко произнёс:

– Отец просил тебя остаться дома. Куда ты полез, братец?

Ивлад вспыхнул, словно провинившийся ребёнок.

– Я добыл девоптицу! Мне не нужно царство, забирайте его с Домиром! Я всего лишь хочу порадовать отца!

Рагдай рассмеялся, и его дружинники тоже. Они поглядывали на Ивлада с нескрываемой насмешкой и о чём-то перешёптывались у Рагдая за спиной.

– Отец будет рад, не переживай. Не делай глупостей, Ивлад. Отдай её нам, и сам останешься цел.

– А если не отдам?

Ружан как бы невзначай положил руку на перевязь с мечом.

– Мы её заберём. Но сам ты, увы, к отцу не вернёшься.

От этой холодной угрозы сердце Ивлада затянулось корочкой инея. Он выхватил нож, понимая, как нелепо смотрится: один против вооружённой дружины.

– Глупый, глупый малыш…

Ружан свистнул, засунув два пальца в рот, и дружинники соскочили с коней. Засверкала сталь обнажённых мечей, и дюжина воинов двинулась на испуганного Ивлада.

Звездочёт заржал, когда к нему подошёл Домир и перерезал ремни, которыми Ивлад закрепил девоптицу. Металл царапнул по коже коня, и когда Домир хлопнул его по крупу, тот испуганно бросился прочь, несмотря на все окрики

Ивлада. Дружинники расступились в стороны, пропуская Звездочёта. Девоптица кулём упала на снег.

Ивлад задохнулся от злости.

– Что ты творишь, Ружан! Это конь Нежаты! Что ты скажешь ей, когда она спросит, где её скакун?

– Так с тебя же спросит, младший, с тебя.

Рагдай схватил девоптицу, которая лежала бездвижно, не издавая ни звука, и взвалил себе на плечо. Ивлад с тоской подумал, что она, быть может, уже успела погибнуть: расшибиться от удара или истечь кровью из раненого крыла…

В отчаянии Ивлад замахнулся ножом, но Ружан перехватил его руку и резко завёл за спину. Ивлад скорчился от боли и разжал пальцы. Нож выпал в снег, на него тут же наступила нога в тяжёлом сапоге. На помощь Ружану пришли дружинники: скрутили Ивлада, ударили под колени, чтобы сбить с ног, и привязали сидя к стволу дерева. Ружан расстегнул на брате кафтан и нижнюю рубашку и снял с него капюшон. Ивлад сгорал от ярости и, когда лицо брата оказалось на одном уровне с ним, прошипел:

– Отец всё равно узнает…

– Не-ет, – почти ласково протянул Ружан, зачерпнул горсть снега и растёр по голой груди Ивлада. – Не узнает. Ты умрёшь здесь, братец. Замёрзнешь насмерть. Если повезёт, тебя найдут и убьют девоптицы или сгрызут волки. Не придётся долго мучиться.

Ружан стянул с Ивлада сапоги и сгрёб снег к голым ногам. Ивлада трясло от злости и холода. Он беспомощно дёргался, чувствуя, как ноги и руки начинают затекать, а кожа на груди немеет. Дружинники ухмылялись и тёрли бороды, наблюдая за ними с Ружаном как за представлением.

– Я бы пожелал тебе лёгкой смерти, потому что люблю тебя, братец. Но ты разозлил меня, когда ослушался отцовского наказа, поэтому… Просто умри, малыш Ивлад.

Ружан потрепал его по щеке, выпрямился и пошёл к своим людям, лишь раз обернувшись на Ивлада.

Домир постоял немного у дерева, будто хотел что-то сказать младшему брату, но, когда Ружан окликнул его, встрепенулся и почти бегом вернулся к своим, так и не проронив ни слова.

Дружинники вернулись в сёдла и поскакали, вздымая пушистый снег. Ивлад бессильно заплакал, глядя, как негреющее солнце выползает из-за вершин Серебряного леса.

Глава 3. Царевна и зеркало

Лита старалась не шевелиться, потому что даже случайное движение причиняло сильную боль в крыле. Её мысли были затуманены страхом: что, если эти странные люди её убьют? Что, если она больше никогда не сможет летать?

Красивого юношу связали и оставили в перелеске на замёрзшем болоте – Лита не могла разобраться, рада ли она возмездию или жалеет непрошеного гостя. Как они его называли? Ивлад?

Новые пленители пока не причиняли ей вреда, но почему-то внушали больше страха. Их была целая толпа: все на конях да при оружии, а от того юноши, который взял её на своего скакуна, веяло такой явной опасностью, что он сам напоминал наточенный клинок, острый и беспощадный.

– Ружан Радимович! – обратился к нему молодой темноволосый дружинник, поравнявшись. – Передохнуть бы моим воинам. Куда гнаться? Младший твой братец уж точно в погоню не пустится.

Ружан издал короткий смешок:

– Тут ты прав, Рагдай, не пустится. Но вдруг отец мой умереть вздумает? Мы и так тянули время, ожидая глупого братца.

– Все мы подтвердим, что девоптица – твоя добыча. Мой отец объявит всем войскам и боярской думе, а с ним никто спорить не осмелится.

Но старший царевич только пришпорил коня, взметнув снежные вихри, и дружине ничего не оставалось, как последовать за ним.

Он сбавил скорость, лишь когда впереди показались крыши постоялого двора.

– Не в чистом поле же отдыхать, – крикнул он Рагдаю.

– Сказал бы сразу, что хочешь, чтоб все на твою девоптицу поглядели и слухи пустили: мол, Ружан уже поймал и везёт отцу, – заметил юноша, похожий сразу и на Ружана, и на Ивлада, – их средний брат, как поняла Лита.

Ружан самодовольно хохотнул:

– Ты проницателен, Домир. Ну а как же: истинный царь пускает впереди себя свою славу. Пусть летят по деревням разговоры да сказываются сказки.

Остановившись у постоялого двора, Ружан закинул сеть с Литой за спину и зашагал намеренно неторопливо, поворачиваясь так, чтобы всем было видно его ношу. Высыпал на улицу народ: хозяин двора да трактирщик с семьями и несколько постояльцев в богатых одеждах. Лита мельком взглянула на них и тут же зажмурилась: так страшно было видеть удивлённые лица, восхищённые улыбки и пальцы, указывающие на Ружана. Да нет, не на Ружана, а на неё саму показывали люди.

Нарастал людской гомон. Смеялись, кричали и ахали громко. Доносилось отовсюду:

– Чудище поймал!

– Ай да царевич!

– Девоптица! Настоящая! Живая или мёртвая?

– А поближе дашь рассмотреть?

Остановившись у гостевого дома, Ружан снял с плеча сетку и уложил Литу на землю. Заскрипели шаги по снегу, и Лита ещё сильнее зажмурила веки, сжалась в комок. Она представляла: вот-вот обступят её со всех сторон злые люди, станут разглядывать и потешаться, а иной, может, и палкой ткнёт…

– Ближе не подходите, – грозно предупредил голос Рагдая. – То царевича добыча, глазеть глазейте, но не забывайтесь. Подарок для царя, не для вас. Радуйтесь, что такое зрелище выпало на вашу долю.

– Приготовьте комнаты мне и моей дружине, – велел Ружан. – И для птицы пришлите служанку, но только ту, кто умеет лечить раны.

Народ всполошился, хозяин постоялого двора прикрикнул на них, и шаги удалились. Литу вновь подхватили, а спустя несколько минут она уже очутилась в тёплом помещении.

Никогда прежде ей не доводилось бывать в людских жилищах, если не считать кособоких изб, где жили служанки, но туда Лита заходила считаные разы. Девоптицы не мёрзнут зимой, им нет нужды прятаться в холода, а в дождь их укрывает полог Серебряного леса – листочки яблонь ложатся друг друга, как черепица на крыше, оттого единственные дома девоптиц – широкие гнёзда, устроенные прямо у стволов самых могучих деревьев.

Литу вновь опустили на пол. Она почувствовала, как с неё снимают сеть, и открыла глаза. Вокруг царил полумрак, и деревянные стены непривычно обступали со всех сторон, словно огромное дупло. Необычный жар окутал Литу. В помещении было так тепло, как бывает только среди лета, и дышалось здесь труднее.

Ружан присел напротив Литы и склонил голову, разглядывая девоптицу. Она хмуро взглянула на него в ответ.

– Ты понимаешь, что я говорю? – спросил он.

Лита медленно кивнула.

– Тогда давай договариваться по-хорошему, – продолжил Ружан. – Я сниму с твоего рта повязку и позволю слугам обработать раненое крыло. Я буду тебя кормить и заботиться до тех пор, пока мы не прибудем во дворец. Я буду добр. – Он протянул руку и дотронулся до щеки Литы. Девоптица вздрогнула и отстранилась от человеческого прикосновения, холодного с мороза, на что Ружан мягко рассмеялся. – Не бойся, говорю же, не обижу. Но и ты веди себя благоразумно. Не смей затевать никакого колдовства. Не пой своих чародейских песен и говори только тогда, когда к тебе обращусь я или Рагдай. Ты поняла?

Сердце Литы сжималось, когда её кожи касалось дыхание человека – страшного, опасного, в кольчуге под богатым меховым плащом и с оружием. Она думала только об одном: как бы позвать на помощь сестёр-девоптиц, как бы отомстить людям за унижение и боль, поэтому решила прикинуться покорной и снова кивнула. Ружан улыбнулся ещё шире и развязал узел на её затылке. Повязка спала со рта, и Лита облизнула пересохшие губы.

– Что ты ешь и пьёшь? Скажи, и я велю принести.

– Воду. Яблоки. Плоды, – выдавила Лита. Голос не слушался, стал ломким и слабым, какие уж тут песни. Да и не мог знать царевич, что пение ей не давалось.

Ружан выпрямился и снова свистнул, как тогда, на болоте. Дверь открылась, впуская Рагдая и троих его людей.

– Смотрите за ней в оба, – предупредил Ружан. – Пойду справлюсь о еде, питье и снадобьях.

Он ушёл, а Литу пересадили на кровать, непривычно мягкую и слишком тёплую. От движений по перьям девоптицы снова стала сочиться кровь.

Скоро к ней пришли две служанки, омыли рану и перевязали по-новому крыло. Лита позволила себе расслабиться: всё равно ей не удалось бы сбежать, когда вокруг терема стоит Ружанова дружина, а общество девушек немного успокоило. Пусть местные служанки и смотрели на неё испуганными глазами, Лите было всё равно – главное, чтобы поухаживали за раной и не сделали хуже.

«А всё же жаль, что я так и не научилась петь, – подумала она, когда боль в крыле начала ослабевать. – Сейчас бы зачаровать разум царевича и выторговать себе свободу – пускай везёт меня обратно к сёстрам, в наш лес».

Ей поднесли сладкого дымящегося отвара, который, к тихой радости Литы, знакомо пах мёдом и яблоками. Жадно выпив всё до капли, она устроилась на кровати, подмяв под себя когтями одеяло, чтобы выстроить что-то хотя бы отдалённо напоминающее гнездо.

– Идите, – отпустила она служанок, втягивая голову в плечи и погружаясь в мягкую дрёму. – Я позову вас, если станет нужно.

И когда девушки ушли, подумала:

«Если бы не рана и не пережитый страх, могла бы я радоваться этому путешествию?»

Но уже на границе сна вспомнила, что вряд ли сможет долго продержаться вдали от силы Серебряного леса.

* * *

Второй день слуги носились по дворцу, взбудораженные пропажей младшего царевича. Воевода приказал не болтать лишнего и тем более не говорить ничего царю, чтобы не беспокоить того понапрасну: мальчишка объявится, куда он денется. Даже не послал ни единого отряда на поиски – мол, и так лучшие бойцы ускакали с Ружаном и Домиром, скоро и Ивлад нагонит братьев. Нежата не отговаривала Военега и не подавала виду, что знает, куда пропал Ивлад.

Царевна долго смотрела в окно, всё гадала, добрался ли младший брат до Серебряного леса? Встретил ли его Вьюга? Метель поднималась всё сильнее, кружилась вихрями прямо за стеклом, и Нежата решила, что вернее всего – спросить ответа у чар.

Она достала зеркальце, что подарил ей на кладбище колдун, взяла крошечный ножик, годный лишь чтобы вскрывать конверты да накалывать кожу на пальцах, накинула шаль на голову и отворила настежь окно.

Ветер всколыхнул ей волосы, ущипнул за лицо. Нежата плотнее запахнулась, поймала зеркалом тусклый луч и наколола ножиком палец. Капля крови выступила на коже, и царевна мазнула ею по зеркалу, прочерчивая красную дорожку.

– Покажи-ка мне кровь мою, зеркальце, – шепнула, и стёклышко запотело от дыхания.

Ещё через миг на зеркальной поверхности стали проступать смутные картинки, будто и правда отражалось в зеркальце что-то, что происходило далеко от дворца. Промелькнул тёмный силуэт: конь рослый, вороной, не похож на её Звездочёта, а всадник – широкоплечий, с чёрными кудрями – не Ивлад, конечно, а Ружан. На коне перед братом – какой-то куль, но не мешок с припасами. Позади Ружана скакали и другие всадники, но как ни вглядывалась Нежата в их очертания, не могла разглядеть Ивлада.

Кто-то застучал в дверь светлицы. Нежата со злостью закрыла окно и спрятала зеркало.

– Да?

– Гость к вам, госпожа, – послышался за дверью голос служанки.

Нежата нахмурилась. Не каждый набрался бы наглости стучаться прямо в светлицу царевны. Видать, и правда принесло высокого гостя. Она даже почти догадалась, кто это мог быть.

– Кто? – Нежата резко открыла дверь и скрестила руки на груди. Ну конечно, рядом со служанкой стоял старший царский воевода, Военег.

– Впустишь? – спросил он густым гудящим голосом. Служанка беспомощно выглядывала из-за его широкой спины, будто хотела извиниться перед Нежатой за вторжение.

Царевна окинула Военега недовольным взглядом:

– Ну впущу. Если ненадолго.

Воевода прошёл в светлицу, и в покоях разом будто стало темнее – так велик он был, ещё и в чёрной собольей шубе. Снежинки на его плечах таяли в тепле, сапоги оставляли влажные следы.

– Ну что, подумала? – спросил он, едва Нежата закрыла дверь за его спиной.

Нежате не понравилось, что Военег ведёт себя так нахально: вламывается к ней без приглашения и разговор ведёт будто не с царевной, а с крестьянской девкой. Что с того, что он давний отцовский друг? Это не значит, что он может не уважать её.

– Подумала, – процедила Нежата и гордо вскинула подбородок. – И откажу тебе.

Военег потемнел лицом, стал ещё страшнее, чем был. Шрам, тянущийся ото лба до щеки, казался глубже и резче, но Нежата не боялась Военега, напротив, подозревала, что это он должен её опасаться.

– Плохо думала, значит, царевна. Сама погляди: где теперь трое твоих братьев? И что, выздоравливает ли твой отец?

Нежата крепче сжала губы, слушая его грубые, но правдивые слова.

– Не пойду за тебя замуж, Военег. Хорошо подумала. Вернутся мои братья, и станет новым царём тот, кто привезёт девоптицу. Ты хмурый человек, ты видел много обмана и лжи, но в наших землях не случится лихих лет, как ты боишься.

Нежата наблюдала за лицом Военега. Она умышленно так сказала: вывернула, будто воевода боится за простых людей и не хочет войны за власть. Его же намерения были совсем иными: сам хотел занять царский трон, женившись на царевне, да поскорее, пока не успели вернуться царевичи. Нежата даже подозревала, что не просто так Военег с детства приставил своего сына Рагдая к Ружану – мальчики росли вместе, но вдруг Рагдай предаст царевича, если представится возможность?..

Военег даже не моргнул, его лицо будто окаменело, и Нежате хотелось наговорить ещё больше колкостей, чтобы хоть как-то расшевелить его, увидеть, что он живой человек, а не ледяной истукан.

– Пойду за другого, – продолжила царевна, и прошлась так близко к Военегу, что задела его сапоги подолом своего платья. – Станет Ружан царём, Рагдая своим воеводой поставит, а ты найдёшь молодую жену вместо погибшей Малы и заживёшь с ней тихо в боярском тереме. Так старость и встретишь.

– За кого пойдёшь?

Нежата развернулась, и кончик её косы мазнул Военега по руке. Воевода вздрогнул и отшатнулся, словно его ударили. Нежата с трудом сдержала победную улыбку.

– Тебе не скажу. Ты меня обижаешь, в светлицу врываешься, давишь на меня, будто лучше тебя женихов во всём свете не сыскать. Вот сыщу, и увидишь, когда будешь на свадьбе моей гулять.

Военег потянулся к ней, будто хотел схватить за локоть, но Нежата ловко увернулась, да так, что и не поймёшь, умышленно отстранилась или так само получилось.

– Царицей будешь! – рыкнул Военег, теряя терпение. – Кто ещё тебе такое предложит? Скажи мне, кто?! Самоцветами тебя осыплю, Стрейвинские земли подарю, а тех, кто посмеет колдуньей назвать, на кол сажать буду!

– Так разве смеет кто-то называть?

Нежата села на сундук и склонила голову, рассматривая Военега. Ах, страшен он всё-таки был, но и красив, как бывает страшна и красива ночная гроза. Ей нравилось его дразнить, но всё же душой царевна не кривила: не пошла бы за него, только за другого, за того, кто зеркало ей подарил, а вместе с ним – и колдовскую силу.

– Смеют, царевна. Ходят разные толки, я бывал в деревнях, слушал. Болтают, будто ты лягушкой оборачиваешься и бегаешь к чародею миловаться. Я все слухи вырежу. Не посмеют больше языками чесать.

– Меня забавляют слухи. Пускай люди говорят, нужно же развлекаться и кем-то детей пугать. Пусть царевной и пугают.

Военег мучился, смотрел на неё и будто не мог подобрать верных слов.

– Ружан злой человек, – наконец выдавил он. – Как и мой Рагдай. Если станет Ружан царём, что они с тобой сделают? Не отправят ли в монастырь? А со мной под защитой будешь, что бы ни случилось.

– Ах, как ты заботишься обо мне, Военег! – мурлыкнула Нежата и наигранно робко взяла воеводу за грубую руку, покрытую шрамами. – Но есть у меня тот, кто позаботится даже лучше тебя. Да всё равно ты не подарок – не ты ли говорил, что готов убить моих братьев, чтобы самому царём стать? Что сказал бы на это мой бедный отец?

Нежата стиснула руки Военега и потянулась к нему, будто хотела поцеловать, а воевода сам оттолкнул её, развернулся и прорычал:

– Ядовитая ты девка, царевна Нежата. Как бы твой яд саму тебя не отравил.

Он вышел из светлицы, даже не обернувшись.

Глава 4. Уговор с чудовищем

Ружан умел вязать узлы – сколько ни дёргался Ивлад, как ни напрягал мышцы, как ни пытался выскользнуть, а верёвки держали крепко.

Босые ноги онемели от холода, но в остальном Ивлад не чувствовал себя замерзающим. Сперва, когда Ружан натёр его голую грудь снегом, Ивладу показалось, что он умрёт уже очень скоро – стало так страшно и тоскливо. Нередко в деревнях мужья привязывали зимой в лесу неверных жён – пускай забирает их ледяной колдун. Если ночью стоял трескучий мороз, как сейчас, то смерть приходила быстро. Ивлад не ждал лёгкой гибели, всё-таки одежда на нём оставалась, да и сам он не жаловался на здоровье, но шёл час за часом, выползало негреющее белое солнце из-за лесных вершин, а сердце Ивлада не замедлялось. Тогда-то он понял: сестрина накидка грела, да не просто, а по-колдовскому.

Перед глазами всё стояло лицо Ружана: серые глаза смотрят с холодным прищуром, на губах – торжествующая ухмылка, щёки разрумянились от стужи и быстрой езды. Ивлад всхлипнул и снова дёрнулся, сдирая до крови кожу на запястьях.

Впереди виднелись яблони Серебряного леса, и над их верхушками взлетали тени. Против солнца их трудно было разглядеть, но ясно было, что это не птицы и не звери, а дивные чудовища. Ивлад сощурился, сморгнул слёзы, вглядываясь вдаль. Чудеса! Немудрено, что отец пожелал напоследок полюбоваться на такое.

– Эй! – сипло крикнул Ивлад. – Э-гей! Не сестрицу ли ищите? Это я в неё стрелу пустил!

Крикнул и сам испугался, как дерзко прозвучали его слова. Ивлад не знал, слышат ли его девоптицы, но иного способа выбраться не придумал. Была надежда на Звездочёта – вдруг вернётся, если волки не задрали и лихие люди воеводы Рагдая не увели, но что-то не слышался топот копыт по заснеженным тропам.

– Я, я пустил! Прямо в крыло попал! – продолжил надрываться царевич до боли в горле, вкладывая в крик всю боль и злость. – Кровь вашу девоптичью пролил! Сижу здесь, прилетайте, разорвите когтями, коли клювов нет!

Прокричал и замолк, стал ждать, вскинув голову к небу. Сперва ничего не менялось, а потом силуэты, мелькающие над Серебряным лесом, поменяли направление. Ивлад продолжал щуриться на солнце, гадал, летят к нему или всё же не услышали? Но долго ждать не пришлось, скоро над болотистым перелеском зашуршали могучие крылья, сперва высоко, но с каждым кругом спускаясь ниже.

Ивлад не мог отвести от них взгляд. Тени то ложились ему на лицо, то сменялись солнечными бликами, и думал царевич: вот так же кружат вороны над полем после боя, так же смотрят на них те, кто не мёртв ещё, но вот-вот умрёт. Ивлад ещё не ходил ни в одну битву, не бывал ранен и не глядел смерти в лицо до этого дня, но сейчас понимал: что захотят девоптицы, то и сделают с ним. Зачаруют песнями, лишат разума, выцарапают глаза, а может, даже сердце… Не дотянуться до Нежатиного порошка, придётся слушать, если

запоют.

Крупная девоптица с тёмным оперением опустилась прямо перед Ивладом, взметнув снежный вихрь. Ещё две сели чуть поодаль, и все они выглядели куда более грозными, чем та, которую ранил Ивлад.

– Что забыл ты у нас, человек? – спросила тёмная, что сидела ближе. На её шее сверкали ожерелья, совсем как у боярских дочерей, а когти страшно блестели на свету: взмахнёт лапой – распорет тело от горла до живота.

– Свободу забыл, – ответил Ивлад, изо всех сил стараясь не показать, как измотан и напуган. – Порви мои путы, расскажу, где твоя сестра.

– Я бы говорила с тобой иначе. – Девоптица склонила голову и чиркнула лапой по снегу, оставляя глубокие борозды. – Скажи, где моя сестра, и мы сохраним тебе жизнь.

– Договоримся. – Ивлад попытался улыбнуться так, как улыбался бы чужеземным гостьям, но ему было слишком страшно, чтобы улыбка вышла беззаботной. – У меня на поясе есть нож. Достань его и…

Он осёкся, когда понял, что рук-то у девоптиц нет, только могучие крылья и короткие оперённые лапы с когтями. Вот уж чудовища! И как только украшения свои надевают, как волосы длинные расчёсывают?

– Достану и всажу тебе в сердце. Говори, видел ли Литу?

– Литу… – выдохнул царевич. – Имя-то какое красивое! Если она с бурыми крыльями, маленькая и любопытная, то видел, как же. Увидел и ранил. Где-то там, у границ леса и болот, вы увидите кровь, посмотрите сами, если не верите.

Девоптицы зашипели, защёлкали, будто были у них не человеческие лица, а вороньи клювы. Две младшие полетели смотреть туда, куда указал подбородком Ивлад. Старшая переместилась ещё ближе и сдвинула чёрные брови.

– Куда Литу дел? Отвечай!

– Путы развяжи, – напомнил Ивлад.

Может, и не стоило злить чудовищ, но Ивлад рассудил так: если ему повезёт, то удастся выбраться и кинуться в погоню за Ружаном и Домиром, а если разъярит девоптиц, то они убьют его быстрее и милосерднее, чем могли бы убить холод и голод.

Девоптица подумала ещё немного, потом нехотя подошла к стволу, переваливаясь с боку на бок, словно огромный голубь. Ивлад не видел, что она делала, но верёвки вдруг резко ослабли и упали, освободив его руки. Ивлад подтянул к груди запястья: бордовые, потрескавшиеся от холода, с ободранной кожей, задышал на них и спрятал под мышками, согревая.

– Ах, милостивая госпожа, благодарю! – искренне обрадовался он. – А сестру твою мой брат увёз, царевич Ружан, с ним царевич Домир и воеводский сын Рагдай. Лихие они люди, если со мной, своим братом и другом, такое сделали.

На последних словах голос дрогнул от боли и обиды, и Ивлад сжал губы. Глазам снова стало горячо.

Вскоре вернулись две младшие девоптицы, что-то курлыкнули старшей и расселись по бокам от неё, тоже стали слушать. Старшая хмурилась, а щёки её алели, будто у человеческой девушки, нагулявшейся на морозе. Ивлад вдруг понял, что любуется ею, пусть и не без страха.

– На что вам Лита, человек? – строго спросила птица, наговорившись с сёстрами.

– Отец мой, аларский царь Радим Таворович, пожелал перед смертью в последний раз взглянуть на девоптицу, – признался Ивлад. – И обещал отдать престол тому из детей, кто первым привезёт диковину. Вот я и помчался в лес, но не за престолом, а за отцовской радостью. Чего не скажешь о моих братьях. Ружан-то горло перегрызёт кому угодно, вот вашу Литу у меня отобрал и во дворец примчит.

– Людям на потеху! – воскликнула старшая девоптица. – Как зверя!

– Позвольте мне послужить вам. В награду за освобождение, – продолжил Ивлад. – Догоню братьев, верну себе вашу сестрицу, покажу отцу быстренько, а потом – сразу обратно к вам, в Серебряный лес.

Как именно он собирался догонять братьев, Ивлад не уточнил. Предпочитал даже не думать о том, что будет после – улетят девоптицы, а он окажется один среди заснеженных болот и рощ. Хорошо, если сможет добраться до первой деревни. Только за это время Ружан уже много раз успеет подарить Литу отцу.

– Всё же ты хочешь по-своему использовать её, наглец! – защёлкала старшая, остальные тоже ощетинились. – Девоптица – не фазан и не ласточка, как ты не поймёшь? Возвращай скорей Литу, а не вернёшь – ляжет проклятие на весь твой род, если ещё не легло. Ты ранил её! Уже за это мы могли бы разорвать тебя на этом самом месте.

Ивлад наконец-то отыскал в снегу свои сапоги и теперь натягивал на замёрзшие ноги и думал. Видать, правду говорили, что не могут девоптицы далеко отлетать от своего родного Серебряного леса, потому и не спешат гнаться за Ружаном и своей похищенной сестрой. Что же тогда будет с Литой, если доставить её во дворец? Не умрёт ли раньше времени? Ещё и раненая…

Но всё же он решил идти до конца. Получить проклятие не хотелось – и без того опасно было приближаться к девоптицам, лучше уж им угождать, раз провинился.

– Верну, говорю же. Но коли так дело пошло, то Ружан уже на полпути ко дворцу. Не случится же с ней ничего худого?

– Уже случилось, – хмуро ответила девоптица. – Что же, царевич, знай: посмеешь обмануть, навредишь нашей сестре или не вернёшь её за три дня – сам зачахнешь и род ваш царский угаснет. Кто убивает девоптицу, тот навлекает на себя большую беду. Слышал ведь сам?

– Слышал, как же, что смерть девоптицы от рук людских влечёт череду кровавых казней, пожары и голод. – Ивлад повесил голову. – Не бойся, госпожа, я не злодей, всего лишь сын, который хочет осчастливить отца. Только без коня мне худо, не уйду далеко. Не подскажешь ли, что мне делать? Как вернуть скакуна? Или, может, знаешь, где мне помогут?

Девоптица сощурилась, придирчиво разглядывая одежду Ивлада, в особенности накидку Нежаты.

– Вернётся твой конь, – проговорила она, будто наконец что-то поняла. – Ты накидку не снимай, по ней тебя отыщет вьюжный колдун. Поможет добраться быстрее и догнать твоих братьев.

Ивлад перестал растирать ноги и удивлённо посмотрел на девоптицу.

– Вьюжный колдун?

– Старый друг девоптиц и один из немногих людей, кто вхож в Серебряный лес. Он проследит, чтоб ты не навредил Лите на обратном пути. До новой луны будь добр вернуть нашу сестру, чтоб бедой не обернулась блажь вашего царя.

– Постараюсь не сплоховать, – пообещал Ивлад и поднялся на ноги. – Благодарю, хозяйки, что освободили и жизнь сохранили. Я ваш должник, значит, сделаю всё, как договорились. Верну Литу целой и невредимой.

Он откланялся так, будто перед ним были не чудища с человечьими головами и телами птиц, а знатные иноземные гостьи. Девоптицы тоже поклонились, но не так почтительно, взмахнули крыльями и по очереди взмыли в небо.

Ивлад проводил их взглядом, закутался плотнее в Нежатину накидку и пошёл прочь из перелеска по замёрзшей болотной земле. Его колотила крупная дрожь: неужели удалось выбраться? Неужели девоптицы отпустили его? Тряхнув головой, он хмыкнул себе под нос и зажмурился, на секунду спрятав лицо в сгибе локтя.

* * *

Крыло продолжало болеть. Хоть и смазывали его служанки пахучими мазями, хоть промывали и меняли повязки всякий раз, как Ружан решал остановиться на постоялом дворе или в тереме старосты, а всё же рана от стрелы беспокоила. Стоило забросить связанную Литу на коня, как боль усиливалась, и девоптица думала только о том, как дотерпеть до очередной остановки. С вершин яблонь

Серебряного леса можно было разглядеть Азобор, но отчего-то Литу возили кружными путями, заезжая во все окрестные деревни, и везде закатывали пиры. Девоптица только теперь начала понимать: царевич похвалялся ею, выставлял напоказ как драгоценную добычу.

Близилось новолуние, а Ружан будто бы и не спешил. Пировал и развлекался, да так, будто уже стал молодым царём. Просил для своих людей самых невероятных яств и крепких вин, звал скоморохов и певцов, местных заставлял драться друг с другом и платил серебром победившим, а однажды, когда бойца нечаянно убили, озолотил его семью.

Литу показывали как дивное диво – не всем, только старостам, сотникам и прочим царским людям, встречающимся на местах. Старухи шептали молитвы и припоминали поверья, по которым девоптица в городе сулит кровь, слёзы и гибель царя; девушки ахали и разглядывали Литу, краснея от удовольствия, а мужчины либо ворчали на бесшабашность Ружана, либо кидали на девоптицу восхищённые взгляды.

Потому-то Лита и боялась новолуния. Как только луна почернеет, сольётся с небом, исчезнут перья, обернутся крылья человечьими руками, и крепкое птичье тело станет девичьим, нежным и беззащитным. Никто не даст ей одежду, не спрячет, так и будут лихие воины Рагдая пялиться, а если Ружан захмелеет, то кто знает, что он позволит своему воеводе?..

Плясали скоморохи в тереме старосты, плясал и сам староста, выпив бра?тину[1 - Братина (-ы; ж.) – старинный большой шаровидный сосуд, в котором подавались напитки для разливания по чашам или питья вкруговую.] медовухи. Ружан и Рагдай сидели вместе за столом и хлопали ладонями, отбивая такт музыке. К Лите приставили девчонку, дочку старосты, и та была счастлива ухаживать за дивной птицей-девицей.

– Отведи меня в покои, – попросила Лита шёпотом.

– Устали, птица-барышня?

Лита опустила веки:

– Устала.

Девушка помогла Лите спуститься со скамьи и увела в соседнюю комнату. Гости проводили их взглядами и шепотками: никак не могли привыкнуть к обществу девоптицы, и если сидящая она казалась почти чучелом, безделицей, созданной каким-то сумасшедшим мастером, то шагающая по палатам неизменно вызывала удивление.

– Позвать служанок, чтоб крыло вам перевязали? – спросила дочка старосты, помогая Лите забраться на кровать в покоях.

– Нет. Позови царевича Домира.

Девушка удивлённо округлила рот, но не стала расспрашивать, справилась со своим любопытством и смиренно кивнула.

Лита несколько вечеров наблюдала за Домиром. Если Ружан и Рагдай всегда неистово веселились, так, словно каждое пиршество могло стать для них последним, то Домир не принимал участия в кутежах: сидел смирно, вечно не то хмурый, не то усталый, и недовольно поглядывал на брата, но вслух никогда ему не перечил.

Домир явился через несколько минут, вошёл в покои и закрыл за собой дверь. Откинув со лба мягкие каштановые кудри, он вопросительно посмотрел на Литу и скрестил руки на груди.

– Я заметила, что ты всегда печален, – сразу начала Лита. – Отчего? Тебе не нравится, что Ружан ведёт себя так, будто уже стал царём? Ты ведь тоже царевич, и ты везёшь меня наравне с ним. А они с Рагдаем будто и не замечают тебя. Что за уговор у вас? Почему ты готов довольствоваться положением Ружанова пса? Он обещал тебе что-то? Или… угрожал?

Домир будто вздрогнул от этих слов и поднял голову выше, встречая взгляд Литы с прямым достоинством.

– Заговорить меня захотела, птица? Я рта не открыл, а тут – целый ворох вопросов. Простых людей заговаривай, а царские сыны не так глупы, чтобы пускать в сердца твои речи.

– Глупы, если не замечаете очевидного. Но я не сомневаюсь, что так всё и есть. Он пирует и слушает песни, а ты сидишь с поникшей головой и не пьёшь хмельного. О младшем брате горюешь? Страшно оттого, каким жестоким оказался Ружан? Или скучаешь по любимой?

Лита действовала наугад. Она никогда не оставалась один на один с мужчинами, никогда не пела для них чарующих песен, но что-то подсказывало, как вести разговор, какие струнки затронуть и с какой интонацией говорить для царевича. Должно быть, ей подсказывала сама кровь девоптиц – древняя, мудрая.

Царевич продолжал хмуриться, но всё же присел к Лите на кровать, будто забылся и не подумал, насколько это невежливо.

– Ружан меня тревожит, – признался он.

– Такой праздный, порывистый и жестокий, – подхватила Лита. – Почему ты не уедешь без него?

– Он мой брат.

– Ивлад тоже.

– А Ивладу отец велел дома сидеть, он сам виноват, что так случилось.

Лита усмехнулась – Домир выпалил это так яростно, будто хотел оправдать сам себя.

– Твои это слова или Ружановы? И как вышло, что вы выехали раньше, а потом нагнали его ровно тогда, как он меня подбил?

Царевич сглотнул, но не отвёл взгляд. Его щёки покраснели.

– То была затея Ружана. Он сразу догадался, что Ивлад не усидит во дворце. Кто знает его лучше нас? Рагдай поддержал. Говорит, пускай младший братец выслеживает, мы потом по следам его поедем. Пировали вот так же на постоялых дворах, выждали денёк и нагонять стали. Подгадали точно в срок.

Это Рагдая заслуга, он лучше всех на царской охоте зверя выслеживал и загонял, вот и тут подсчитал. Только на волка Ружану весело ходить, а на вашу сестру оказалось боязно.

– Но ты же не таков. Ты сидишь и грустишь, сам не знаешь, зачем тут. Верно я говорю?

Царевич Домир угрюмо молчал, но не уходил. Льстило ли ему внимание девоптицы или уже начало действовать тонкое волшебство её шёпота, Лита не знала. Быть может, он просто хотел отдохнуть от шумного веселья, затеянного братом.

– Признаться, никогда и не знал, зачем я там.

– Всё из-за братьев?

Лита наблюдала за людьми всего пару дней, страдая от боли и страха. Ей трудно было понять всё, что происходило, – почти каждый миг она ждала угрозы, но всё же пыталась разобраться. Все девоптицы приходились друг другу сёстрами, матерями и дочерями, но каждая относилась к остальным ровно, никого не выделяя и ни с кем не ссорясь. У людей же всё было иначе. Ружан и Домир сильно отличались друг от друга, и по-разному к ним обращались члены отряда. Лите не с чем было сравнивать, но отчего-то Домир напоминал ей прислужницу Айвру, которая заплетала девоптице косы и рассказывала о дальних морях.

– Нет. Не из-за них. Из-за себя, – ответил Домир.

– Я не понимаю, – призналась Лита. – Ты грустишь сам из-за себя?

Домир слегка улыбнулся, одним уголком губ, и покачал головой.

– Как тебе объяснить… У тебя есть сёстры?

– Мы все в Серебряном лесу сёстры, – обиженно протянула Лита. – Разве ты не знал?

– Знал, знал, конечно… Просто думал, вдруг кто-то из вас особенно близок.

Домир заправил волосы за уши взволнованным движением, и Лита вдруг позавидовала ему – у него тонкие красивые пальцы, и он может поправлять свои волосы тогда, когда захочет, а не когда дозовётся служанку.

– Мы все близки, – ответила Лита. – Не то что вы.

Домир хмыкнул:

– Это ты верно подметила. Не то что мы. Ружан отважен и силён, он – отцовский любимец и наследник, конечно. Тут и спорить нечего. Ивлад красив, как не всякая девушка, мягок сердцем – он нравится всем, кому посчастливится с ним встретиться. А я – средний сын. Ни то ни сё. Не особо умён, не слишком смел, красотой не то чтобы удался. Даже волосы у меня не чёрные, как у Ружана, и не золотые, как у Ивлада, а скучно-коричневые.

– Ты обижен на братьев за то, что они лучше тебя?

– Да нет же. – Домир дёрнул плечами, и вышивка на его тёмно-синем кафтане встрепенулась блеском. Только сейчас, присмотревшись, Лита разглядела у него на плечах ветви и яблоки. – Не на братьев. Да и не на кого. Просто… Все знают, что я – второй царский сын, и ждут от меня, что я буду таким же, как братья: острым на язык, решительным, красивым, в конце концов. И разочаровываются, видя меня таким, какой я есть. Я слышу, что шепчут слуги у меня за спиной. Не во дворце, нет, а вот тут, в чужих домах. Говорят, что представляли меня выше, красивее, что думали, будто я тоже пущусь в пляс или начну сорить отцовским золотом.

– А ты просто сидишь в стороне и ждёшь, когда всё закончится.

Домир посмотрел на Литу долгим взглядом. Его брови приподнялись в удивлении, и Лита подумала, что зря Домир назвал себя некрасивым – он уж точно был лучше тех парней, с которыми сёстры беседовали на летнем празднике.

– Да. Сижу и жду. Потому что всю жизнь чувствую, что всё это не для меня. Будто с детства привык: всё Аларское царство – для Ружана, все девичьи восторги – для Ивлада. У меня есть невеста, отец сосватал меня несколько лет

назад, но я видел её лишь однажды – она живёт в северных землях и, мне кажется, потом пожалеет, что согласилась на эту помолвку. Говорит, наверное, подругам, что выйдет за аларского царевича, и представляет, как будет жить во дворце, но на самом деле… На самом деле я сомневаюсь, что мне достанутся собственные земли, когда отец умрёт и Ружан займёт его место.

– А если ты первым привезёшь меня царю? Это что-то изменит? – Лита, поморщившись от боли, приблизилась к царевичу и осторожно прижалась к нему тёплым боком. Он не пошевелился, только выпрямил струной спину.

– Могло бы. – Домир быстро облизнул губы. Между его бровей то пролегала тоненькая складка, то разглаживалась – он быстро что-то обдумывал. – Но отец скоро умрёт, его съедает царская болезнь, колдовское проклятие. Даже если он успеет объявить меня наследником, то Ружану ничего не будет стоить переубедить думу и войско. Его лучший друг – сын царского воеводы, у него сильная дружина, его все любят. Нет, Лита, я не хочу того. Ружан – вот кто станет править Аларией, иначе и быть не может.

– Как же быстро ты сдаёшься, – пробормотала Лита и приобняла Домира здоровым крылом. Прикрыв глаза, она стала вспоминать песни старших сестёр в Серебряном лесу. Это было нелегко: даже через закрытую дверь в покои проникали звуки пиршества, музыка, громкие голоса и хохот. Домир не отстранялся, и Лита посчитала это хорошим знаком. Сосредоточившись, она представила себе золотистые яблоки, серебристые ветки и блеск украшений на шеях подруг. Почти наяву услышала их красивые голоса, переплетающиеся в одну протяжную песню.

В глубине груди поднималась мелодия. Лита не придумывала её, музыка сама зарождалась и изливалась звенящим ручьём: сперва беззвучно, затем проступая плавным напевом, постепенно наполняющимся крепостью голоса. Лита редко пела и впервые пела для пленившего её человека, царевича Домира, и пыталась вплести в песню просьбу, наговор-приказ.

Домир медленно склонил голову на плечо. Он не мог слышать слов, потому что в песне девоптицы слов не разобрать, особенно человеку, зато мелодия, а вместе с ней и чаяния девоптицы плавно проникали ему в самое сердце.

Глава 5. Вьюга

Ивлад почти не видел колдунов в своей жизни. В Аларии, конечно, их хватало – выходцы из Стрейвина продавали свои умения, ловко отыскивая нуждающихся среди посетителей рынков и харчевен, и если хозяин постоялого двора был не прочь видеть колдуна среди гостей, то рисовал над входом яблоко.

Но колдуны предпочитали не приближаться к Азобору – боялись царских людей. Аларцы тоже не отважились бы явиться к ним в Стрейвин, а причиной всему – войны между двумя государствами, которые много столетий то вспыхивали, то затихали.

Учителя рассказывали Ивладу: когда-то давно Серебряный лес находился на землях Стрейвина, пока однажды войско аларского царя не отвоевало его для государя. С тех пор стрейвинцы потеряли покой: почти каждый новый стрейвинский правитель пытался забрать лес обратно вместе с девоптицами, которые за много лет успели полюбиться аларцам и поселились даже на царских монетах. В детстве Ивлада бесконечно возмущало, что колдуны никак не успокоятся – няньки пугали его злыми стрейвинцами, которые сидят на болотах, глодают кости и раздумывают, как захватить часть Аларских земель, а вместе с ними и царских людей.

Когда царевичи подросли, Стрейвин предпринял несколько атак – войска заходили с севера, в обход холодного залива, отделяющего Стрейвин от Аларии, но союзники отца из Северной Халкхи помогали отразить нападения. Но в зиму, когда Ивладу исполнилось двенадцать, а Ружану – семнадцать, Стрейвин собрал флот и напал на Аларию с юга, попытавшись пробиться через устье реки Белой и подняться выше, к Серебряному лесу.

Ивлад хорошо запомнил те страшные дни. Отец болел почти всю жизнь, но тогда его болезнь начала брать верх, и Радим Таворович лежал в постели, когда гонцы принесли весть о стрейвинском флоте, приближающемся к берегам Аларии. Ивлад помнил, как Военег собирал войска, как Ружан и Рагдай, ещё совсем мальчишки, просились в бой. И отец дал Ружану возможность проявить себя – они с Рагдаем повели флотилию наравне с Военегом.

Ивладу, Домиру и Нежате не позволили выйти со двора – Домиру уже исполнилось пятнадцать, и он обижался на отца, что тот запретил ему идти со

старшим братом. Все вместе они провожали Ружана и Рагдая, стоя на крыльце. Городские ворота были открыты настежь, и вдаль по дороге тянулась вереница огней. Тогда царские дети не знали, что большинству из этих огней суждено погаснуть, да и вернувшиеся с войны изменятся до неузнаваемости.

Грядущая встреча с вьюжным колдуном тревожила Ивлада, но, с другой стороны, он уже беседовал с самим Вьюгой и остался жив и здоров. Вряд ли тот, о ком говорили девоптицы, сильнее одного из верховных.

Солнце вовсю золотило снег, но теплее не становилось. Ивлад кутался в тонкую накидку – ткань согревала, будто её кто-то зачаровал. «В колдовстве погибель царской семьи», – в который раз подумал он. Но без этого самого колдовства его конец пришёл бы гораздо раньше.

Впереди двигался силуэт – свет слепил глаза, поэтому Ивлад не сразу его заметил. Человек шёл навстречу и вёл под уздцы двух коней. Спотыкаясь, Ивлад прибавил шагу, а когда расстояние достаточно сократилось, даже слегка улыбнулся: встречным оказался знакомец Вьюга, а одним из коней – Нежатин Звездочёт, и даже Ивладов лук болтался тут же, у седла. Учуяв знакомый запах, конь зафыркал, Вьюга отпустил узду, и Звездочёт бросился к Ивладу.

– В последнюю нашу встречу ты был хотя бы при коне, – заметил Вьюга. – Что стряслось? Зря ты так быстро сбежал от меня и не захотел принимать помощь. Управились бы быстрее.

Ивлад обнял Звездочёта за шею и принялся гладить по морде. Конь успокоился, тыкался носом в накидку, хранящую запах хозяйки.

– Я… – Щёки Ивлада и так были румяными от мороза, но сейчас ещё сильнее налились краской, в этот раз – от гнева. – Ты… Проклятый колдун, ты преследуешь меня?! Хочешь сгубить царских детей по одному?

Вьюга вздохнул и провёл ладонью по безбородому лицу.

– Если бы у меня была такая цель, то я бы начал с тебя: одинокого, безоружного, пешего. Заморозил бы ещё на подходе к лесу. И коня бы не стал приводить. – Он насмешливо прищурился: – Грязи на твоей одежде, я смотрю, ещё прибавилось.

Ивлад упрямо смотрел на него исподлобья, не веря ни единому его слову, но всё же набрал горсть снега и попытался оттереть пятна с накидки.

– Стрейвин и Алария – враги, конечно. – Вьюга заговорил так вкрадчиво, будто обращался не к царевичу, а к дикому зверю, которого нужно успокоить. – Представляю, о чём ты думаешь, Ивлад. Но я не несу угрозы ни твоей семье, ни твоему городу, ни твоей стране. Даже четверым верховным колдунам разом не выстоять против армии царя, тебе ли не знать, царевич.

О той битве до сих пор много говорили, и почти всегда – понижая голоса до шёпота. Говорили, будто царь Радим не был готов, поэтому отправил только те войска, которые уже стояли недалеко от Азобора и южнее, вплоть до морских границ. Говорили, что колдуны умышленно подгадали время: самое начало зимы, когда крепчают морозы, но влажные осенние ветра ещё не хотят уходить. Но всё же тогда царские войска погубили столько колдунов, что верховным пришлось отступать, уводить остатки своих, чтобы сберечь хоть кого-то. От аларского флота осталась лишь пара кораблей, каким-то чудом удалось выжить и Ружану, и Рагдаю, и воеводе, и горстке их людей, но больше не выжил никто. Стрейвин с тех пор зализывал раны, воспитывал новых колдунов, но и Алария жила в относительном покое.

– Ты убивал их, – проговорил Ивлад. Голос едва не сорвался. – Это же ты руководил стрейвинцами? Ещё немного – и моего брата бы тоже убил.

– Раз уж ты решил вспомнить… Да, я руководил армией вместе со Штормом. – Вьюга поднял ладонь и сделал осторожный шаг к Ивладу. Тот, напротив, отступил назад. – Вьюга и Шторм – наилучший союз для того, чтобы поднять ледяные ветра. Но тогда это было ради Стрейвина, а сейчас я здесь – пришёл не воевать, а по просьбе Нежаты.

Горло Ивлада вдруг перехватило, будто оно стало деревянным, неспособным на слова. Он схватился за лук, вынул стрелу и натянул тетиву.

– Неужели дочь врага тебе дороже родного края? Для чего тебе нужна Нежата, говори, колдун!

Руки тряслись и от холода, и от волнения. В груди Ивлада пекло от злости, вздымалась и поднималась к горлу крупная дрожь. Он стиснул зубы до скрежета

и почувствовал, как жар заливает лицо и печёт глаза. Образ Вьюги размазался, и Ивлад не сразу понял, что это от слёз.

Стрела сорвалась с тетивы – свистнула, мелькнула проблеском. Ивлад приготовился увидеть, как тело колдуна падает и окропляет снег кровью, но ничего подобного не произошло: стрела отскочила от накидки Вьюги и отлетела куда-то вбок, в белую мякоть сугроба.

– Ты отвергаешь мою помощь, верно? – спросил Вьюга ровным тоном, в котором не было ни гнева, ни возмущения. Ивладу стало стыдно, но и злость, вскипевшая в груди, не унималась.

– Ты чуть не убил Ружана! И убил тысячи аларцев! Как я могу верить тебе? Как могу позволить вновь приблизиться к себе и моим братьям? Если Нежата доверяет тебе, то это значит, что ты просто не открывал ей своего имени!

Вьюга двинулся к Ивладу, не сводя с него холодного взгляда.

«Он убьёт меня, убьёт Нежату и братьев, а потом захватит дворец и власть в Аларии, – подумал Ивлад. Руки задрожали так сильно, что лук упал в снег. – А Ружан уже чуть не убил меня…»

«Просто умри, малыш Ивлад».

Холод снега на голой груди.

Молчаливый взгляд Домира.

Смешки дружинников.

Только сейчас Ивлад в полной мере осознал, что с ним сотворили, и это осознание опустилось на плечи тяжёлым грузом. Ружан, девоптицы, Вьюга – трижды за день его могли убить, но почему-то он до сих пор жив и совершает страшные глупости, стреляя в верховного колдуна. Из горла Ивлада вырвались тяжёлые всхлипы, и он медленно опустился на колени, сотрясаясь от рыданий. Звездочёт недоумённо зафыркал и ткнулся носом ему в плечо.

– Я открыл ей своё имя. Нежата знает, кто я. И знает, каков я, – послышался мягкий голос Вьюги. – Она гораздо умнее тебя, царевич. Я пытаюсь тебе помочь,

потому что Нежата просила об этом. Но если ты отвергаешь мою помощь, я не могу настаивать. Прощай, Ивлад. Я постараюсь больше не попадаться тебе на глаза. Береги Звездочёта.

Вьюга развернулся и двинулся прочь, в обратную сторону, так же ведя рядом своего коня. Ивлад отнял ладони от мокрого лица и не смог поверить глазам – колдун не попытался наслать на него буран, не стал морозить до смерти, не поднял оружия – просто ушёл. Даже не упрекнул за выпущенную стрелу и не повысил голос – неужели задумал что-то страшнее? Или всё же…

– П-постой, – выдавил Ивлад. – Вьюга!

Колдун замер, медленно обернулся на царевича и сдвинул брови.

– Не уходи, – попросил Ивлад. Звездочёт продолжал тыкаться в него мягким носом – в шею, в макушку, в мокрые от слёз щёки. Ивлад осторожно оттолкнул морду коня. – Если ты хочешь убить меня, то убивай сейчас, пока Ружан и Домир считают меня мёртвым. Но если ты правда отыскал меня ради Нежаты… Если правда поможешь найти ту девоптицу, которую я ранил по глупости… Тогда я мог бы, думаю, поверить тебе.

Он поднял лицо, глядя на Вьюгу сквозь мутную пелену. Стоять в снегу на коленях, глядя снизу вверх на колдуна, было паршиво. Вьюга вновь подошёл к Ивладу и протянул руку, не покрытую рукавицей даже в такой мороз. Наспех вытерев глаза рукавами, Ивлад шмыгнул носом и не без колебаний ухватился за ладонь колдуна. К его удивлению, кожа Вьюги была тёплой и на ощупь ничуть не отличалась от кожи обычных людей. Ивлад шумно выдохнул.

– Боялся, что я превращу твоё сердце в ледышку?

– Н-нет…

Вьюга дёрнул уголком рта и притянул Ивлада к себе.

– Вот видишь. Ты всё ещё жив.

Колдун приобнял Ивлада и скованным, коротким движением хлопнул по спине. Ивлад уткнулся лбом ему в плечо – всего на мгновение – и тут же отстранился, испугавшись своего порыва. Горло по-прежнему сжимало от слёз, в груди перекатывались раскалённые камни, но всё же стало немного легче: теперь он не один и, возможно, даже сумеет вернуть девоптицу в срок. Он забрался в седло и потрепал Звездочёта по холке.

– В этот раз тебя послали девоптицы? – неловко спросил Ивлад после нескольких минут молчания. – Они говорили, что знают тебя.

Вьюга сощурил бледно-серые глаза, будто что-то припоминал.

– Нет. Я увидел Звездочёта без всадника и понял, что младший царевич попал в беду. К счастью, с тобой не успело случиться ничего дурного.

– Почти ничего, – поправил Ивлад.

Вьюга вскинул голову, всматриваясь в сверкающие вершины Серебряного леса позади Ивлада. Затем огляделся по сторонам, примечая места, где снег был вздыблен конями дружинников.

– Ты встретился с братьями. И тебе не понравилась эта встреча. Так?

– Так.

Ответ дался с трудом. Старший брат, за которым они с Домиром ходили, как восторженные щенки, оставил его в лесу умирать и совсем не колебался, когда привязывал к дереву. И Домир оказался ничем не лучше: стоял и смотрел… Ивлад покачнулся и ухватился за холку коня, чтобы не упасть.

– Предательства нужно уметь переживать, – сказал Вьюга, окинув Ивлада внимательным взглядом. – В конце ты либо простишь, либо возненавидишь, а пока дай себе время.

Ивлад недоверчиво покосился на него. И конь, и всадник казались бесцветными, словно посыпанными пеплом или – что вероятнее – подёрнутыми инеем. Лишь чёрные звёзды на накидке бросались в глаза.

– А ты? Прощал или ненавидел? Наверняка тебя не раз предавали.

Колдун сделал вид, что не услышал вопроса. Ивлад кисло поджал губы: как бы плохо ему сейчас ни было, но Вьюга прав, у него ещё будет время подумать о Ружане. Быть может, даже отыщется оправдание брату, и он сможет всё объяснить в разговоре. Сейчас же важнее позаботиться о том, чтобы вернуть Литу.

Вьюга пришпорил коня, Ивладу в лицо полетел снег из-под копыт. Нагонять колдуна было боязно, и Ивлад решил держаться на расстоянии. Обернувшись, Вьюга усмехнулся и вскинул посох с хрустальным наконечником, вынув его из-за пояса. Тут же снежинки закружились плавным танцем, а затем и вовсе перестали вздыматься с дороги, Вьюгу и Ивлада словно окутало невидимым коконом, и даже мороз, как показалось Ивладу, ослаб.

– А ты можешь домчать нас вмиг? – крикнул Ивлад, одновременно и страшась ответа, и замирая в ожидании. Вдруг получится? Вдруг удастся увидеть самое настоящее могущественное колдовство? А если и удастся, как оно отразится на самом Ивладе? Не сгубит ли?

– Прямо уж вмиг не могу, – откликнулся Вьюга. – На это способны не вьюжные, а зверословы – они умеют заговаривать коней. Но могу сделать так, чтобы сама зима нам помогла. Держись, царевич, поближе, если хочешь скакать быстрее.

Ивлад колебался, даже не смог ответить.

– Ты не бойся. – Вьюга сразу разгадал его опасения. – Колдовство не проникнет в тебя, если ты будешь просто рядом с ним. Чтобы оно тебя сгубило, ты должен принять его – например, с помощью чароплодов. Я не желаю зла брату Нежаты, поверь.

– С помощью чароплодов? – переспросил Ивлад. Он с опаской подогнал Звездочёта, чтобы не так сильно отставать. – Это что-то вроде яблок из Серебряного леса?

Девоптицы питались золотистыми румяными яблоками, которые не опадали даже в лютую стужу. Говорили, будто эти яблоки, как и сам Серебряный лес, – чистое воплощение колдовства, его кровь и сок. Если человек пытался съесть

такой плод, то либо становился колдуном, либо заболевал и умирал. Некоторые целители считали, что яблоки Серебряного леса способны излечить любую хворь и даже продлить жизнь. Ивлад помнил, как один знахарь предлагал отцу вкусить яблок и исцелиться от своей болезни, но царь выгнал его. Отцовская болезнь и без того была вызвана колдовством, и от яблок стало бы только хуже.

Теперь же оставалось надеяться, что отец не ошибся и простое присутствие девоптицы во дворце не убьёт его.

– Да, что-то вроде яблок, – ответил Вьюга. Он слегка улыбнулся, когда увидел, что Ивлад всё же отважился приблизиться. Впрочем, улыбка едва ли красила его лицо – несмотря на благородные черты, оно оставалось невыразительным и блёклым. – В Стрейвине несколько священных мест, где растут плоды колдовства. Они и для колдунов опасны – если съесть больше, чем можешь принять на данный момент.

– И тебе опасны?

– Мне уже ничего не опасно. Не забывай. Я не просто вьюжный. Я – Вьюга.

Зыбкое тепло вдруг снова обернулось трескучим холодом, но лишь на несколько мгновений – как предостережение и проявление сил. Ивлад вновь почувствовал себя неуютно и неуместно.

– И все вьюжные – твои слуги?

– Мы не цари. – Вьюга ответил резче, чем раньше. – У нас нет слуг. Есть те, кто учится, и тот, кто уже познал всё. Обучающиеся колдуны сами по себе, каждый тяготеет к одной из сил, но иные предпочитают развивать сразу два умения. Только тот, кто распыляется, никогда не станет верховным и не познает все тонкости одной силы. Но я познал.

– Учился и доучился? Сколько же лет это заняло?

– Много.

– И ты когда-то был простым человеком? С именем и семьёй?

Ивлад не унимался. Чем больше он спрашивал, тем сильнее разгоралось любопытство, – а ещё бледнело в памяти ухмыляющееся лицо Ружана. Вместо него рисовались картины Стрейвина – страшной болотистой земли с мёртвыми деревьями и избами на высоких подпорках, представлялись колдуны, творящие свои тёмные чудеса, склонившись над кострами…

– Был. Но этого давно уже нет. Не стоит больше спрашивать, царевич.

В голосе Вьюги будто прогремел гром – пока далёким и тихим, но грозным раскатом.

– Лучше думай о том, что скажешь братьям при встрече, – добавил он, помолчав.

Ивладу стало стыдно. И правда, пристал с расспросами, как деревенский мальчишка. И стоило перестать думать о Вьюге, как перед глазами вновь всплыло лицо Ружана – как безжалостно, с выражением мрачного удовлетворения он размазывает снег по голой груди Ивлада…

Вскоре впереди показались крыши с печными трубами – над деревней висел сизоватый дымок, пахло жильём. Ивлад обрадовался: оказывается, он успел соскучиться по близости жилья, пусть крестьянские избы и пугали его своей серой неказистостью.

Постоялый двор встретил разрухой. Разломанный забор валялся прямо посреди дороги, в хозяйском доме были выбиты окна, в снегу, раскапывая ледяную корку, ковырялись куры. Несколько человек работали во дворе, устраняя урон.

Вьюга замедлил коня, а Ивлад и вовсе спешился.

– День добрый! – поприветствовал он, слегка кланяясь. – Что у вас случилось? Не проезжали ли лихие люди?

Мужчина в длинной шубе приосанился, приветственно кивнул Ивладу.

– И вам доброго. Лихих не проезжало, а вот царевич кутил с дружиной. Нам-то не в тягость, почётно высоких гостей принять, но каков-то буен он в веселье, спаси-упаси Прародительница!

Мужчине свистнули с другого угла, и тот поспешил на помощь, оставив путников. Ивлад исполнился мрачной радости. По верному пути идут, вот-вот нагонят Ружана с пленённой девоптицей! Вьюга обернулся на него, многозначительно склонив голову.

– Давай договоримся. Что ты станешь делать, когда мы нагоним твоих братьев?

– Отниму девоптицу, – без колебаний ответил Ивлад.

– И только?

Ивлад опешил.

– И только… Что ты имеешь в виду? Я не стану с ними сражаться!

Вьюга не двигался, смотрел на Ивлада так же, склонив голову вбок.

– Не стану! – продолжил Ивлад, сглотнув. – Или ты…

– Уже говорил: я тоже не стану вредить близким людям Нежаты. Но ты-то сам неужели не хочешь отомстить братцу? В меня ты быстро пустил стрелу, даже не разобравшись.

Ивлад шумно выдохнул и взъерошил волосы. Вьюга говорил так ровно, так спокойно, что и правда хотелось верить, будто он не способен никому навредить, даже врагам-аларцам. И в его вопросе звучало лёгкое неверие: как это – не хотеть мстить брату? Но Ивлад вновь прислушался к себе и снова услышал то же самое: вот так. Злости в нём уже не было, только горечь обиды. Было страшновато: как отнять девоптицу у Ружана и его вооружённой дружины? Раз попытались убить однажды, в другой раз уж точно доведут начатое до конца. А что Ивлад? Не станет же ждать, спрятавшись в кустах, пока Вьюга всех разгонит.

– Ты сказал мне, что предательства нужно переживать. Вот я и переживу, – проговорил он. – Ружан не пролил мою кровь, а я не пролью его. Потому что кровь у нас общая.

– Молодец, – похвалил Вьюга. – Я должен был убедиться, что ты не натворишь глупостей, когда мы с ними поравняемся. Держись в седле крепче, младший Радимович. Скоро догоним.

Вьюга пришпорил коня, вскинул посох, блеснувший хрусталём, и вновь их окутал невидимый кокон, куда не проникали ни снег, ни стужа. Кони помчались резво, с наслаждением всхрапывая и вскидывая головы, из ноздрей и ртов клубился пар. Плащ за спиной колдуна надулся бело-чёрным парусом, по велению руки снег поднимался с земли, закручивался в воздухе и устремлялся вперёд с рёвом и гулом, от которого закладывало уши.

– Давно ты дружен с девоптицами? Кажется, они о тебе говорили, – прокричал Ивлад, стараясь перебить шум бурана, – уж очень любопытно ему было расспросить Вьюгу, пока тот не исчез так же внезапно, как появился. – Как ты, верховный колдун, осмелился проникнуть в Аларию?

– Давно дружен, – отозвался Вьюга на удивление легко. Ивлад, ещё не задав вопрос, подумал было, что колдун сделает вид, что ничего не слышит, и не станет вновь потакать любопытству царского сынка. – Что же ты, царевич, не знаешь, что Серебряный лес – земля Стрейвина, отнятая твоим прадедом?

– Знаю, – ответил Ивлад. – Не отнятая, а честно завоёванная. Если бы я явился в Стрейвин, меня бы сразу взяли в плен, а ты спокойно разъезжаешь на своём серебристом коне и нисколько не волнуешься. Почему?

За гулом ветра было плохо слышно, но Ивладу показалось, что Вьюга усмехнулся.

– Ты бы побоялся заявиться к нам, потому что ты юн и слаб. А нам нечего опасаться: тот, кто не знает, не различит колдуна, пусть даже верховного, в городской толпе. Если окружат стражи или дружина, с небольшим отрядом смогу справиться, хотя мне по душе не привлекать к себе лишнего внимания, потому я путешествую по Аларии скрытно.

– И долго путешествуешь?

– Временами. С тех пор как повстречал твою сестру – чаще.

Ивладу не нравилось, что Вьюга говорит о Нежате так спокойно, буднично, словно она успела стать привычной частью его жизни. Может, и правда стала? Но как же так вышло, что сестрица не открыла Ивладу сердце? Неужели боялась его порицания? Или чего-то ещё… Добраться бы целым до дома, можно будет выведать у неё всё.

– Я буду благодарен тебе, – с неохотой проговорил Ивлад, – если ты поможешь мне с девоптицей.

– Это разумно. Обещал, значит, помогу. И приму твою благодарность.

Ивлад молча кивнул, уговаривая себя смириться и принять помощь колдуна. Вьюга, конечно, не мог видеть этого жеста – он не оборачивался и не опускал посоха, и вокруг них собирались всё более плотные снежные вихри, поднимались с земли и с рёвом рвались вперёд. А что там впереди – совсем не разглядеть.

* * *

С ранних сумерек поднялась страшная буря. Застала в пути, не повернёшь назад к постоялому двору, а сколько до следующей деревни – и не понять. Лита слышала, как ругаются Ружан и Рагдай, а вот Домир так и ехал смирный, будто чем-то опечаленный – после неумелой песни Литы он совсем сник, то себе под ноги смотрел, то вдруг начинал бросать вокруг такие страшные взгляды, что кровь стыла в жилах.

Рагдай послал двоих дружинников вперёд, но они скоро вернулись: впереди, сказали, метёт ещё хуже, так, что дороги не видно. Выругавшись ещё цветистее, чем прежде, Ружан приказал отойти к редкому перелеску и устроиться там на ночлег, переждать буран.

Когда с трудом развели костёр, Литу разместили поближе к огню, постелили ей одеяло, но ноги и здоровое крыло по-прежнему держали связанными. Ружан, Рагдай и Домир сами сели рядом с девоптицей, на поваленное дерево, вероятно оказывая ей честь, но Лите казалось иначе: стерегли, как дворовые псы, чтоб ни на пядь не отдалилась их драгоценная добыча. Хотелось отодвинуться от них подальше, но приходилось терпеть.

Лите больше всего не хватало сейчас одиночества. Она привыкла подолгу сидеть одна, изредка принимая помощь служанок, а общению с сёстрами посвящать вечера, если захочется послушать разговоры. Она привыкла к мягким, переливчатым голосам, привыкла любоваться на блеск украшений и на мягкие перья подруг, а здесь её окружали мужчины – грубые, громкие, многие с бородами и некрасивыми крупными руками. От их голосов болела голова и кровь стучала в висках. Лита вздрагивала каждый раз, когда кто-то из дружины оказывался близко к ней, и старалась не встречаться взглядами ни с кем, кроме царевичей.

Они так долго ездили от одного двора к другому, что Лита даже потеряла счёт времени. Сколько прошло? День? Два? Чутьё подсказывало ей: близко, близко новолуние, прячется умирающий месяц за плотными тучами, и оттого сердце полуптичье-полудевичье стыло камнем в груди.

С разных сторон тоскливо выло и ухало. Лита видела, как насторожены были дружинники, и от этого ей делалось ещё страшнее. Подвыпившие, веселящиеся, они совсем ей не нравились, но вот такие, настороженные, с раздувающимися ноздрями, готовые вот-вот выхватить оружие из ножен, нравились ещё меньше.

– Поди посмотри, что там воет. Волков нам не хватало, – велел Ружан, тронув ближнего дружинника за рукав. Парень кивнул, позвал с собой товарища, и они вдвоём шагнули в буран. Лита поёжилась, глядя, как их силуэты растворяются в снежной мгле.

– Поесть бы чего, государь, – обратились к Ружану светлобородые близнецы, которые и на пирушках съедали больше остальных.

– Потерпите, – огрызнулся Ружан. – На охоту людей не пошлю в такую погоду. И двор искать не поедем.

Близнецы, видно, остались недовольны ответом царевича, но спорить не стали. Обломали с берёз нижние сухие ветви, подбросили в костёр и сели чуть поодаль, к остальной дружине.

– Держи, девоптица. – Ружан протянул Лите пирог, оставшийся с последнего пира на постоялом дворе. Лита зло на него посмотрела – он сам связал ей лапы, а теперь забыл, что она пользуется ими, как человек руками? Ружан усмехнулся

и поднёс пирог прямо ко рту Литы. Она ещё крепче стиснула губы: такое предложение показалось ей унизительным. Легче лечь спать голодной, чем есть с рук человека.

Ружан рассмеялся и пронёс пирог мимо лица Литы, прямо себе в рот.

– Ах, строптивица, – продолжал он ухмыляться, отряхивая руки. – Он же с повидлом. Я-яблочным. Ты же любишь яблоки.

Ружан подмигнул, и Лита резко отвернулась. Почему-то ей стало ещё жутче.

Домир сидел рядом и грел руки у костра, стянув рукавицы. От внимания Литы не ускользнуло, что желваки на челюсти Домира ходят ходуном, а, помимо рукавиц, на коленях лежит кинжал.

– Да где их носит? – разозлился Ружан, когда прошло достаточно времени, а двое дружинников так и не вернулись.

– Велишь пойти поискать их, государь? – спросил один из близнецов.

– А поищите. – Ружан махнул рукой. – И возьмите с собой ещё кого-то. На случай, если встретится зверь. Обойдите кругом, посмотрите, чтоб ни волков, ни разбойников не было.

Домир дёргался от каждого звука, словно заяц, готовый вот-вот сорваться с места. Лита осторожно косилась на него и думала: неужели это песня его таким сделала? Заметив её взгляд, Домир вскинул подбородок и улыбнулся ей украдкой.

– Ты что-то хотела?

Лита помотала головой.

– Ничего.

И нахохлилась, втянула голову в плечи.

Прошло ещё немного времени. Метель всё кружила, выводила кружева, стонала и вздыхала страшно, как живое существо. На перьях Литы уже наросла снежная корка: в Серебряном лесу такого никогда не случилось бы, там можно было спрятаться в самом сердце чащи, под плотно сплетённым пологом ветвей. Костёр почти замело: вспыхивали редкие огоньки, но тут же захлёбывались в снегу. Поначалу Ружан упрямо подкидывал туда ветки от небольшой осины, которую Рагдай срубил для костра, но теперь просто угрюмо сидел на корточках. Чёрные волнистые волосы свесились ему на лицо, макушку замело снегом, но царевич не покрывал голову.

Те дружинники, которые ушли раньше, никак не возвращались. Рагдай подошёл к сидящему Ружану и тронул его за плечо, склонился, что-то заговорил на ухо, но старший царевич только отмахнулся.

– Подождём, – донеслось до Литы.

– Да чего ждать, государь? – вспылил кто-то из воинов. – Замёрзнем ведь насмерть! В седле хоть согреемся. Поехали дальше, Ружан Радимович!

Ружан выпрямился и смахнул снег с головы и плеч.

– Ты не видел, что дорогу замело, Лютай? Лошади увязнут в снегу. А впрочем, поезжай, раз такой нетерпеливый!

– Если останемся, то сами увязнем в снегу!

Ветер завыл ещё громче, так тоскливо и протяжно, что у Литы заныло в груди. Ружан сощурился и завертел головой, будто хотел высмотреть или вынюхать что-то, непостижимое остальным.

– Это не простой буран, – процедил он. – Я уже слышал такое. Слышал!

Его лицо исказила ярость, и Рагдай схватил его за оба плеча, словно пытался успокоить. Царевич вынул меч из ножен и вырвался из хватки своего воеводы.

– Домир! Держи девоптицу ближе!

Домир вздрогнул, едва не уронив в снег свой кинжал, привстал с бревна, на котором сидел, и подвинулся к Лите. Та поймала его бегающий взгляд – она старалась понять, подействовала ли на царевича её робкая песня, но так и не разобралась. За свою жизнь Лита ни разу не пыталась заколдовать человека и не знала, что могло бы выдать чары.

«Как домой хочется», – подумала она, не отводя взгляда.

– Колдовской морок, – крикнул Ружан. – Где-то близко эти твари! К оружию!

Зазвенела сталь клинков, вынимаемых из ножен. Ружан и Домир встали впереди, дружинники – за ними, так, чтобы встретить врага с любой из сторон.

Лита ахнула, почти не скрывая радости. Если Ружан прав и буран наслали вьюжные колдуны, то, быть может, они помогут ей вернуться домой? Иные из них заходили в Серебряный лес – с самого краешка, только поздороваться со старшими девоптицами и, если позволят, взять с собой чудесное яблоко. Если колдунов несколько, то они могли бы совладать с дружиной. Или хотя бы обмануть их…

– Беги, – вдруг послышался прямо над ухом шёпот Домира. Лита округлила глаза, не веря.

– Скорее! – Домир подтолкнул её, и Лита упала с бревна в снег.

Ружан и Рагдай метались, выставив впереди себя клинки, а буран сужал круг, выл и наступал, как дикий зверь. Домир тоже наконец сжал кинжал, кинулся к Лите и перерезал её верёвки.

– Беги! – повторил Домир.

Он подтолкнул Литу, а сам развернулся и бросился на спину Ружана. Старший царевич упал в снег, они с Домиром сцепились клубком, а Рагдай кинулся разнимать братьев.

Тут что-то вцепилось в ногу Литы. Она вскрикнула и обернулась, но ничего не увидела: её дёрнули и потянули в снежную пургу.

Глава 6. Отголоски старой песни

Отражение показывало только снежное марево, густое, как молоко. Нежата цокнула языком и встряхнула зеркало, но ничего не изменилось.

– Госпожа! – позвал из-за двери робкий голос служанки.

– Если это Военег, то скажи, что я заболела, – отозвалась Нежата, не отрывая взгляда от зеркала, которое так и оставалось белым.

– Нет, не Военег. Царь хочет видеть тебя в своих покоях.

Нежата убрала зеркало в ларец, ларец закрыла на ключ, а ключ спрятала в рукав. Накинув на голову платок, она отворила дверь и хмуро посмотрела на Февету, свою самую близкую служанку. Та выглядела взволнованной, и царевна смягчилась.

– Проведёшь ходом для слуг? Не хочу столкнуться с воеводой.

Февета хитро сощурилась, на круглых щеках заиграли ямочки.

– Проведу. Только я его сегодня не видела во дворце, можешь не осторожничать.

– Мне так было бы спокойнее.

Нежата улыбнулась подруге, и они поспешили к двери, ведущей в коридор для слуг.

На Февету можно было положиться: уже много лет она была для Нежаты не только служанкой, но и подругой. А последний год даже хранила тайну встреч царевны с Вьюгой.

– Чего это я отцу понадобилась? – размышляла Нежата вслух. – Я уже думала, он забыл про меня, как пошли слухи, что я балуюсь колдовством. Удобнее забыть и считать, что у тебя трое сыновей, чем забивать голову взбалмошной дочерью.

– Так он же плох совсем, – укорила Февета. – Лекарки говорят, его разум – как решето, он постоянно где-то между сном и явью, уже и не различает, что на самом деле происходит, а что – только у него в голове. Ночью, говорят, проснулся, глаза стеклянные, смотрит перед собой и зовёт девоптицу.

Нежата поджала губы. Она старалась не представлять, что будет, когда отец умрёт. Уже не один месяц на лицах большинства мужчин во дворце горела жадность. Военег, Ружан, Рагдай, добрая половина бояр, даже старый казначей – все вдруг превратились в псов, учуявших кровь. Нежата слышала, что даже двоюродные братья царя, рождённые от наложниц её прадеда, Ворона Глангрийского, и не имевшие права на престол, оживились в своих имениях и собираются наведаться в Азобор.

Перед дверью в царские покои Февета поклонилась стражникам, и те пропустили царевну.

Нежата вошла и встала у дверей, не ступая на пёстрый пушистый ковёр. Царь полулежал на высоких подушках, один его глаз полностью затянула страшная чёрная пелена, по щекам рассыпались язвы с расплывчатыми краями, словно чернильные пятна на полотне. Нежата зажмурилась на миг, но набралась решимости и вновь посмотрела прямо на отца. Ему ещё не было и пятидесяти лет, но он выглядел глубоким стариком.

– Где Ивлад, Нежата? – просипел царь, разлепив спёкшиеся губы.

– Не могу знать, отец, – ответила Нежата с поклоном. – Твой младший сын – упрямец. Уж не ускакал ли вслед за Ружаном и Домиром?

Царь скривил рот, ответ дочери ему явно не понравился.

– Его конь в стойле. А твоего нигде нет.

Нежата округлила глаза, изображая удивление. Она не думала, что им удалось бы что-то скрыть от царя, если бы ему было не так плохо, но Радим, выходит, ещё не до конца растерял прозорливость.

– Покрути своё чародейское зеркальце, что подарил тебе колдун. – Царь кашлянул, но продолжил хриплым голосом: – Что же, не увидишь там ни братьев, ни коня? Или ты смотришь только на возлюбленного?

«Военег донёс», – зло подумалось Нежате. Решил отомстить за несговорчивость. А ему кто же сказал? Неужели Февета?.. Нежата выше задрала подбородок, готовая нести ответ.

– Я не стану лгать тебе больше, отец. Раз ты сам обо всём догадался, так и скажу. Ивлада огорчило твоё недоверие, и он решил добыть тебе девоптицу, лишь чтобы порадовать тебя. Не ради власти. Ради любви.

– Дурак! – каркнул царь и устало закрыл глаза, будто вспышка гнева отняла у него последние силы. Нежата так и не приблизилась к отцу, лишь подумала о том, не позвать ли слуг.

– Ивлад стал бы прекрасным царём, пусть он и моложе других, – осторожно начала она. – Ружан резок и пылок, а Домир ведом. Не списывай младшего со счетов, отец. Он добрый юноша, раз решил порадовать тебя и не испугался твоего гнева.

– Он молод и глуп. – Царь грустно покачал головой, движение вышло слабым, робким. – А ты что ведёшь свои хитрые речи? Зачем наговариваешь мне на Ружана? Чего ты хочешь? Самой стать царицей и привести во дворец своего нечестивого колдуна? Я ведь знаю, Нежата. – Радим сухо сглотнул и замолчал. Руки Нежаты похолодели от страха, но она всё так же прямо стояла у двери, ничем не выдавая, как напугана. – Всё-ё про тебя я знаю. Что не мил тебе мой воевода и не смотришь на других женихов, что были бы счастливы к тебе посвататься. Давно говорили мне, будто крутишь ты с тем, кого и человеком-то назвать нельзя; с тем, кто вьюжит вьюги и заметает дороги, по чьей воле люди замерзают, едва сумрак застанет их в пути. Неужто и сердце твоё так же замёрзло, что смогло полюбить такое чудовище? Он убивал наших людей, Нежата.

– Отец, ты не прав, – сказала Нежата мягко, сдерживая гнев. – Аларцы тоже погубили немало колдунов. Ты не знаешь его, а все слухи доносили тебе Военег да болтливые дворовые девки. Я же угадала?

В висках у неё стучало: «Откуда узнал? Неужели проследили?»

– У меня нет причин не верить воеводе. Да и люди не станут попусту чесать языками. Я добр к тебе, Нежата, ведь ты моя дочь. Был бы я иным, я бы не стал сам с тобой разговаривать, а сослал бы царевну-ведьму туда, где даже стрейвинский колдун бы её не сыскал.

– Зачем тогда ты позвал меня? – Как Нежата ни старалась, голос всё-таки дрогнул, в горле встал комок. Ей хотелось попятиться к двери, но она подозревала, что стража перекроет выход.

Царь приподнял над одеялом руку – высохшую, сероватую, с чёрной язвой на ладони – и махнул, веля Нежате подойти поближе. Царевна помедлила и осторожно шагнула на ковёр – ноги тут же утонули в мягком ворсе.

– Посмотри выше.

Нежата послушно вскинула взгляд. Над изголовьем царской кровати висело пёстрое перо.

– Перо девоптицы. Ты рассказывал нам о ней.

– Говорил, да не всё. Садись, дочка. Садись. – Царь откашлялся, будто ласковый тон по отношению к Нежате оцарапал его горло. – Расскажу тебе, каково любить чудовище.

Нежата осторожно присела на краешек кровати, уперев ладони в шёлковое покрывало. Мастера выткали на нём птиц с девичьими головами, с пёстрыми перьями и в самоцветных бусах – не нашлось бы во дворце места, куда не проникли девоптицы, но крепче всего засели в голове и сердце царя.

– Что такое, отец? О чём ты?

Царь вздохнул и откинул голову на высокие подушки. Беседа уже утомляла его, но он держался.

– Я рассказывал, что встречал девоптицу в молодости. Но не рассказывал, как мы с ней полюбили друг друга. Говорят, они завораживают песнями, а для людей царских кровей песни девоптиц опаснее, чем для всех прочих. Не вспомню сейчас, пела ли она мне – верно, пела, и пела дивно, но разве знал я тогда, что голову мне заморочит? Она была в облике девоптицы, а в новолуние становилась человеком на несколько дней – прекраснейшей из девиц, что я видел.

Царь прервался ненадолго, несколько раз глубоко вздохнул и продолжил ещё более слабым, шелестящим голосом, похожим на ветер, который задувал из окна.

– Я был помолвлен – княжна Горица из Северной Халкхи готовилась стать мне женой, а вам – матерью, но что может сделать брак по расчёту против юной сумасшедшей страсти?

Нежата с трудом скрывала отвращение, слушая отца. Не сошёл ли старик с ума, раз решил при дочери порочить имя её матери? За оскорбления царицы он всю Нежатину жизнь рубил наглецам головы, а сам, получается, вот как о ней отзывается…

– Мы недолго были вместе, – просипел царь. – Мать отыскала меня в Серебряном лесу и обещала проклясть, если я не женюсь на княжне. Возлюбленная моя была в ярости – я же ничего не говорил ей о помолвке. У меня не было иного пути – я готовился стать царём и не был волен распоряжаться своей жизнью. Тогда моя птица взяла с меня последнее обещание: я был юн и очарован, согласился не слушая. Она попросила отдать в Серебряный лес моего последнего ребёнка, которого родит будущая царица.

Я волновался, когда родился Ружан – если бы он остался единственным, Алария лишилась бы наследника. Но следом родились Домир и ты, и я успокоился. Отдать дочь тяжело, но не так страшно, как единственного сына. Девушки прислуживают девоптицам и живут в Серебряном лесу счастливо, так что и у тебя была бы пусть короткая, но радостная жизнь…

Нежата стиснула шёлк покрывала. Гнев клокотал в груди, она чувствовала, как наливаются жаром щёки, и сдерживалась изо всех сил, чтобы не сорваться на старика. И это её отец? Тот, кто качал на коленях и баловал лучшей пастилой? Тот, кто подарил и все драгоценности матери, и тонконогого коня, и прощал капризы? Так и оставил бы её в лесу, не родись Ивлад! Разве смог бы?.. Но что-то в тоне старика подсказывало: он с такой горькой сладостью вспоминал свою любимую девоптицу, что да, смог бы, и глазом не моргнул. Что, если все поблажки были ценой, которой царь Радим пытался откупиться от дочери в своих же глазах?

– Что же изменилось для тебя, отец? – тихо спросила царевна.

– Родился Ивлад, – ответил он. – Родился и всё равно что спас тебя, Нежата. Потом царица слегла с родильной горячкой и через тринадцать дней после рождения сына умерла. Я горевал – не ожидал, что станет так больно, когда Горицы не станет. Успела мне полюбиться иноземная княжна, я почти перестал вспоминать девоптицу, и жили мы в согласии. Подрастали дети, и как бы горько мне ни было смотреть на тебя, а на Ивлада стало в разы горше.

– Отчего же ты послал их сейчас в Серебряный лес? Знал ведь, каков Ивлад.

Царь раскашлялся, сплюнул на платок чёрный сгусток, а после промокнул губы и ответил:

– Стало быть, звучат в моём сердце отголоски её чарующей песни.

– И что, заберут они Ивлада?

В душе Нежаты поднималась буря. Раз она сама помогла Ивладу уехать со двора, значит, и её вина будет в том, что может случиться с младшим братом. В голове крутились разные мысли: броситься в погоню самой? Взять коня Ивлада и помчаться, вдруг успеет? Или Вьюга уже встретил его и сможет защитить? Ох, а если Ивлад не примет помощи колдуна?..

– А, – царь махнул рукой, – хитрющие они, как бесы. Хотел я уберечь младшего, а он сам им в когти метит.

– И что будет, – Нежата сглотнула, – если ты нарушишь обещание?

Царь издал сухой смешок, а может, просто кашлянул.

– Ты не знаешь их. Они возьмут своё. Ради своего проклятого леса, который питается людской кровью. Так и будут мучать его всю жизнь… А если не получат, то… Нет, Нежата. Нельзя нарушать клятвы, данные девоптицам. Они опасные твари, неужели не слышала…

– Про кровь и смерть невинных, конечно. Я помогу, – вызвалась царевна. – Верну Ивлада, сама виновата, что помогла ему сбежать. Возьму его коня, потом поменяемся.

Она хотела добавить про Вьюгу, но побоялась злить отца, упоминая имя возлюбленного.

– Не смей! Не смей своевольничать! И так я глупость совершил, троих сыновей в неизвестность отправил, так хоть ты у меня останешься. Ох, и радуются же мои враги! Кто знает, сколько их на тропах стерегут Ружана…

Царь прикрыл дрожащие веки и замолчал на минуту, а потом произнёс хриплым шёпотом:

– Видела ли чего в своём зеркале? Живы они?

Нежата комкала покрывало, тоненькие ниточки вышивки цеплялись за ногти. И про зеркало вызнал, конечно. Крутит-вертит ею старик-отец, то сердце разбивает признаниями, то не пускает со двора и просит колдовской её помощи…

– Не видела, – проговорила она, заботясь, как бы голос не прозвучал по-детски обиженным. – Туман один в стекле. Да с чего бы мне видеть? Что же ты, отец, веришь, будто дочь твоя и правда обратилась самой настоящей колдуньей?

Царь замолчал, только хриплое дыхание срывалось с приоткрытых сухих губ. Его рука дёрнулась, будто он захотел приобнять Нежату, но тут же бессильно упала поверх одеяла.

– Говорят всякое. Военег приходил. Говорил, видел тебя ночью на могиле Горицы, будто руками ты водила, а из-под земли белые клубы выползали и летели по сторонам, куда прикажешь. Правда это, Нежата? Ты призывала бесов?

Кровь отлила от лица Нежаты. Предчувствия её не обманули: вот каков ты, Военег! Отказала в замужестве, так побежал за ней следить, а чуть что увидел – так скулить царю, как бездомный пёс.

Конечно, это были никакие не бесы – Вьюга рассказывал о том, что неудавшееся колдовство может вырваться обрывками силы, которые, не найдя прибежища, оседают у людских жилищ и причиняют неприятности, – а простая снежная пыль, которую Нежата пыталась обратить небольшим вихрем.

– Скажи Военегу, что негоже воеводе за царевной по ночам подглядывать, – ответила Нежата и поднялась с отцовской кровати. Ей казалось, будто руки её испачканы – во лжи и предательстве. Она прижала ладони к бёдрам, вытирая о бархат платья. – Или он в окна моей светлицы тоже смотрит вместе с луной?

– Нежата… – протянул царь. – Скажи только, правда это или нет?

– Сам решай.

Нежата коротко поклонилась отцу, соблюдая обычаи, и порывисто выбежала из опочивальни. В ушах у неё шумело, и горько щемило грудь. Никто не преградил ей путь.

– Госпожа, куда ты? – спохватилась Февета, которая, очевидно, всё это время ждала подругу где-то неподалёку, и поспешила за Нежатой.

– Оставь, – бросила царевна резче, чем хотела.

Встреться ей сейчас Военег, расцарапала бы ему лицо и не подумала, что не пристало так себя вести царской дочери.

Нежата выскочила на крыльцо, забыв, что не захватила ни шубы, ни тёплого платка. Студёный ветер растрепал чёрные косы, вцепился волчьими клыками в нос, а царевне была в том злая отрада: казалось, будто шлёт милый весточку и

ярится сам, как в доброй битве: значит, отыскал Ивлада и вместе они нагоняют Ружановых людей.

Надышавшись и озябнув, Нежата развернулась и отправилась обратно к себе. Звали её снежные дали, тосковал конь Ивлада в стойле, но царевна не могла пуститься в путь одна: тогда отец остался бы наедине с воеводой и боярами, кружащими над ним, словно вороны.

Только она подошла к дверям своей светлицы, как вдруг чья-то широкая ладонь в грубой рукавице зажала рот, закрыв половину лица. Нежата задёргалась, заколотила обидчика кулаками, но её схватили поперёк пояса, заломили руки за спину, а на голову набросили что-то чёрное. Несколько пар рук подняли её и закинули на чьё-то плечо.

– Дёрнешься ещё хоть раз, прирежу и кину в прорубь, – пригрозил знакомый голос.

Глава 7. Новая луна

Домир изо всех сил вытолкнул Литу подальше от места их остановки, а сам кинулся на Ружана. Лита не верила глазам: неужели это её песня заставила среднего царевича помогать ей? Но не успела мысль оформиться в голове, как кто-то схватил Литу за обе ноги и с силой потащил по снегу, так, что она не смогла даже понять, что происходит.

Метель сомкнулась вокруг неё сплошной стеной, Лита хватала ртом воздух и отплёвывалась: снежинки забивались в горло и тут же таяли. Ресницы слиплись от снега, так, что совсем ничего нельзя было рассмотреть. Голоса Ружана и его людей тонули в страшном нарастающем гуле: так ветер гудит в чаще, когда разгуливается гроза.

Её волочили по снегу – рывок, ещё рывок, холод забивался под перья, а Лита, распластав раненое крыло, могла только пыхтеть и пытаться вырвать ноги из чужой хватки.

Спустя минуту буран прекратился так внезапно, словно весь снег на небе разом закончился. Лита разлепила мокрые ресницы, и в это же мгновение её перестали тащить, оторвали от земли и закинули на спину коня. Лита вскрикнула, завертела головой.

– Ты! – ахнула она, когда узнала младшего из царевичей.

– Прости меня, – затараторил он, сбиваясь. – Я был не прав. Я не должен был стрелять в тебя. Я обещал девоптицам вернуть тебя в Серебряный лес, но сперва мне очень нужно показать тебя отцу. Прости, пожалуйста!

Лита хотела огрызнуться или сказать ему что-то обидное, но только нахохлилась, сильнее втянула голову в плечи и проворчала:

– Вы возите меня как мешок с яблоками. Скорее бы уже управились.

Она злилась на этого глупого Ивлада: за простреленное крыло, за то, что вырвал её из дома и потащил через всю Аларию к своему сумасшедшему отцу, но всё-таки ей было приятно узнать, что с ним не случилось ничего плохого.

– Всё будет хорошо. Я за него ручаюсь, – сказал второй из похитителей, которого Лита поначалу и не заметила.

Она резко повернула голову в сторону, уже привычно ощетинив перья на спине, но тут же пригладила обратно, узнав Вьюгу – она видела его у Серебряного леса считаное количество раз, но, как и любой из верховных колдунов, он казался ей тем, с кем лучше не ссориться.

Вьюга медленно опустил посох и направил его в сторону. Буран продолжал кружить у перелеска, там, где остановился Ружан, будто весь снег из воздуха собрался в одном месте.

– Держись, – предупредил Ивлад, разрезал путы на здоровом крыле Литы и пришпорил коня. Лита обняла шею скакуна крылом, а когти стиснула на луке седла, обхватив её, как толстую ветку.

Конь пустился рысью, впереди стелилась укатанная дорога, припорошённая снегом, а ещё дальше Лита увидела огоньки большого города и приоткрыла рот от изумления. Неужели та самая столица царства? Настоящая, не мерещится?

– Ты сказал, обещал девоптицам? – спросила она, чуть повернув голову к Ивладу. Скакать на коне и не смотреть вперёд оказалось страшно, поэтому она спешно развернулась обратно. – Мои сёстры разговаривали с тобой?

– Они отпустили меня, взяв клятву. – Теперь Ивлад уже не заикался и говорил увереннее, будто быстрая езда придавала ему смелости. – Не бойся. Клятву не нарушу. И прости меня.

– Да уж наверняка не посмеешь нарушить.

Сердце Литы трепыхалось как сумасшедшее, но она не могла никуда деться: упадёт с коня – сломает себе что-нибудь, а улететь не получилось бы даже без верёвок, крыло ещё болело.

Хоть младший царевич и выглядел куда безобиднее Ружана с его дружиной, но всё-таки это Ивлад выстрелил в Литу, а ещё с ним был верховный вьюжный – кто знает, чья компания хуже… Но всё же когда Вьюга поравнялся с ними, Лита решилась спросить.

– Братья Ивлада не погонятся за нами?

В темноте ночи трудно было различить выражение лица колдуна, а голос, как обычно, оставался почти бесстрастным.

– Если и погонятся, то нескоро. Я собрал все снежные вихри вокруг них, так что выйти им не удастся – будет казаться, что всю Аларию заносит такой метелью, какой не было целый век. Утром мой морок рассеется, тогда старшие царевичи и пустятся на поиски.

– Надеюсь, с Домиром всё будет в порядке, – буркнула Лита и прикусила язык.

– Сочувствуешь похитителю? – удивился Ивлад.

Лита не стала ему отвечать: лучше молчать, пока не сболтнула про песню. Хотелось есть, спать и согреться. Холодный ветер забирался под перья со всех сторон, заставляя кожу девоптицы покрываться мурашками. От царевича шло тепло, но прислоняться к нему Лита боялась и брезговала.

Облака затягивали почти всё небо, в редких прорехах виднелись звёзды, и сердце Литы сжималось, вспоминая недавние волнения. Ох, не попасть бы под новолуние…

– Откуда вы появились? – вдруг спросил Ивлад, прерывая тревожные размышления Литы. – Такие красивые и нелепые…

– Нелепые! – возмутилась Лита, вновь щетинясь перьями. – Думай, что говоришь, человек! Ваши лысые тела, не приспособленные ни к полёту, ни к холоду, хилые ручки и длинные ноги – вот, что нелепо!

– Прости, прости. Я не то имел в виду. Просто вы… Такие… странные. В хорошем смысле.

Лита слишком устала, чтобы долго возмущаться.

– Говори о нас только в своих хороших смыслах, человек.

Ивлад усмехнулся.

– Я слышал предание, – продолжил он. – Сказку. – Отчего-то Ивлад смущённо запнулся. Лита покосилась на него и поспешила отвернуться обратно. Ивлад продолжил: – У нас верят в то, что девоптицы когда-то были простыми птицами. Воронами, ястребами, коршунами. Ну, не знаю, какими ещё. Хищными птицами, в общем. И однажды, много лет тому назад, Стрейвин пошёл на Аларию войной, желая отобрать кусок нашей земли…

– Лита, ты его слушай, но не забывай, что это всего лишь сказка, – предостерёг Вьюга, обернувшись. – Уже сейчас я понимаю, что правду мы не услышим: цари воспитывают своих детей во лжи.

– Я… Это не то… Это предание, – пробормотал Ивлад.

Вьюга хмыкнул и пришпорил коня, наверное, чтобы не слышать продолжение сказки царевича.

– Ну и что было дальше? – спросила Лита. Не то чтобы ей нравилось его слушать, от человеческой речи и без того болела голова, но ей стало любопытно узнать, что о девоптицах говорят при дворце. Сама она никогда об этом не задумывалась – жила и жила, видела людей, не считая служанок, один раз в год, да они и не рассказывали никаких преданий, только пели незамысловатые песни и смеялись.

– А потом началась кровавая сеча, – продолжил Ивлад с лёгкой обидой в голосе. – Колдуны же не воюют железом, но от того не менее страшны. Даже страшнее обычных воинов. Но у Алярии были сильные бойцы, и битва тянулась многие дни и ночи без перерыва. Окрасился снег в алый, пропитался до самой земли. Воины Алярии разили колдунов без жалости: кто стрелой, кто мечом, кто топором. Колдуны обезумели и творили такое страшное волшебство, какого не видели земли ни раньше, ни потом. После сечи никого не осталось в живых: пали мёртвыми последний аларец и последний стрейвинец, убив друг друга. И слетелось вороньё со всех краёв на невиданный доселе пир. Те птицы, кто клевал тела аларцев, так и остались птицами. А кто лакомился колдовской плотью, изменились навсегда. Волшебство вошло в их тела вместе с кровью колдунов, и с тех пор они стали меняться. Наверное, многие из тех птиц погибли, не выдержав перемен, но выжившие дали потомство, а те – ещё потомство, и от поколения к поколению появился чудесный род полуптиц-полулюдей, и поселились они на том самом месте сечи. Со временем из костей погибших колдунов выросли деревья, величественные и серебристые. А впитанное колдовство подарило птицам женские лица, потому что только женщина способна создать новую жизнь.

Ивлад запнулся, снова смутившись. Лита резко проговорила:

– Ваша сказка – ложь. Глупая и мерзкая. Всё было совсем не так.

Ей стоило усилий оставаться спокойной, внутри всё клокотало из-за страшной нелепицы, которую выдал царевич.

– Однажды Прародительница вырвала у себя волосок и превратила его в дрозда, – начала Лита. Она с детства слышала эту историю и выучила наизусть –

даже сама рассказывала птенцам, когда старшие сёстры отдыхали. – Дрозд, полетав над человеческими землями, вернулся к ней и сказал, что ему понравились люди, но в них нет ни мудрости, ни лёгкости, что есть у птиц. Прародительница улыбнулась и позволила ему свить гнездо в любом месте, какое ему понравится. Дрозд выбрал небольшую рощу, а когда гнездо было готово, там появилось три золотых яйца. Из них вылупились три первые девоптицы – таков был подарок Прародительницы своему другу.

– Зачем ему такой подарок?

Лита скривила губы.

– Тебе ли, царевич-баловень, не знать, что подаркам достаточно быть просто красивыми и не нести никакой пользы.

– И то верно.

– Стали девоптицы жить и плодиться в роще, – недовольно продолжила Лита, искоса поглядывая на Ивлада, – и роща начала расти и тянуться кверху. Стало ясно, что дрозд выбрал не обычные деревья, а волшебные серебряные яблони, любимые деревья Прародительницы. Тогда яблони только цвели по весне чудесными душистыми цветами, но плодов не давали. Первое яблоко появилось после того, как самая старшая девоптица состарилась и умерла. Рождались новые девоптицы, умирали старые, и яблок вырастало всё больше и больше. Со временем девоптицы становились всё краше и сильнее, а если пытались улететь, то быстро слабели и погибали в чужих краях. Так девоптицы узнали, что их душа и сила – в золотых яблоках, что висят на серебряных ветвях. С тех пор так и повелось: девоптицы властвуют в Серебряном лесу, лишь изредка общаясь с людьми. А люди восхищаются нашей красотой и воспевают её.

– А ещё девоптицы очень милые и скромные барышни, – закончил Ивлад со смешком. – Спасибо за твою версию сказки. Мне понравилось.

– Это не сказка! Всё так и было. И не спорь, что ваша версия ужасна.

Лита поелозила лапами по седлу, устраиваясь удобнее. Ей всё больше казалось, что она скоро упадёт с коня.

– Ну, люди привыкли к величию. Битвы, кровопролитие, войны. А вы говорите про Прародительницу, дроздов и деревья. Мы разные.

Лита нахохлилась, как воробей на грозовом ветру. Крыло, в которое попала стрела, топорщилось в сторону.

– Ты… извини за тот выстрел, – проговорил Ивлад. – Я не знал, что так получится.

– Стрелял и не знал, что стрела попадёт в цель? Тогда ты просто глупец, царевич.

– Не знал, что ты… – Ивлад в который раз замялся.

Лита обернулась, ещё сильнее распушив перья. Разговор её утомил, но промолчать она просто не могла.

– Давай, говори честно. Не ожидал, что девоптица – живое разумное существо, которому бывает больно и горько? Думал, мы что-то вроде огромного фазана, каких ты десятками убивал на охоте. Убивал милосердно, сразу, не ранил и не заставлял мотаться по Аларии, бояться и ощущать, как силы медленно покидают тело.

Лита резко замолчала, ком встал в горле. Говорить против сильного холодного ветра было трудно, тело окаменело от неудобной позы, всё сильнее хотелось есть и спать.

– Н-нет, – начал оправдываться Ивлад. – Я не думал ничего такого! Как это вообще могло прийти в голову… Просто я никогда не видел вас живьём, только перо над отцовской кроватью… Да всякие рисунки на посуде…

Он бормотал что-то ещё, но Лита его не слушала. Неприятные ощущения в теле усиливались, ноги и крылья наливались тяжестью, и это не могло означать ничего хорошего.

Лита посмотрела вверх. В разрыве облаков виднелось фиолетовое небо с точками звёзд. Облака расходились в разные стороны, а там, где должен был блестеть тонкий ломтик месяца, виднелось только матово-серое пятно, почти не

различимое на фоне неба.

Лита похолодела.

В груди заворочалась боль, словно Ивлад пустил туда ещё одну стрелу и провернул наконечник. Сердце тяжело застучало, будто разбухло до такой степени, что ему стало тесно под рёбрами и оно поднялось до самого горла. Руки, ноги, спину Литы свело судорогой, голую кожу опалило морозом. Лита стиснула зубы, сдерживая крик: крылья выворачивались, вместо маховых перьев вырастали тонкие девичьи пальцы, птичьи когти втягивались, а могучие оперённые ноги становились слабыми, длинными и голыми.

От неожиданности Ивлад натянул поводья так, что конь описал половину дуги и встал на дыбы. Лита упала в снег, удар от падения вышиб воздух из лёгких. Странное, ломкое человеческое тело плохо её слушалось, она перевернулась и с трудом села на коленях, обхватив себя руками.

– Не подходите! – крикнула она Ивладу и Вьюге.

Внутри всё пекло огнём: в груди, в животе, а больше всего – в руках и ногах, вывернутых, разломанных, словно каждую косточку разобрали на кусочки, чтобы потом вновь соединить, полив водой из колдовской реки. Снаружи было едва ли не хуже: голую кожу раздирало от жгучего холода.

Но страшнее этого были только ужас и стыд, терзающие Литу как два оголодавших зверя.

Нет, не должны люди видеть, как девоптица становится слабым человеком. Она может выходить к ним сама, если захочет, – гордо подняв голову, когда боль и неловкость исчезнут. Но уязвимая, страдающая девоптица – зрелище, не предназначенное никому.

– Не смотрите! – попросила она. Вместо яростного крика из горла вырвался сдавленный писк.

Ивлад наконец-то справился с испуганным конём, развернул его к Лите и теперь гарцевал на месте, не решаясь приблизиться. Вьюга заметил, что они отстали, и

возвратился назад.

– Что стряслось?

От звука его голоса Лите стало ещё хуже. Он не сделал ей ничего плохого – пока не сделал, но в голове, и так гудящей от боли и ужаса, громыхнули обрывки воспоминаний, алые и чёрные, как окровавленные повязки, которые ей меняли на постоялых дворах.

Дружина Ружана: множество громогласных мужчин, смеющихся и бросающих в сторону Литы дикие взгляды.

Сам старший царевич, резкий, непредсказуемый, который постоянно норовил лишний раз дотронуться или сесть так близко, что их тела соприкасались.

Незнакомые люди, обступающие её в деревнях со всех сторон так тесно, что становилось труднее дышать.

Их возгласы: «Чудо! Чудовище!»

Чьи-то руки, сжимающие её крылья.

Руки, затыкающие ей рот.

Руки, забрасывающие её на спину коня.

Стрела, пронзающая крыло.

Лита с трудом поднялась на ноги. Её колотило, разрывало от боли, холода и стыда, и она, развернувшись, побежала прочь от дороги – в ту сторону, где у леса виднелись крыши жилищ.

– Лита! – окликнул Ивлад.

Ноги почти не слушались, деревенели от холода, и, пробежав несколько шагов, Лита увязла в снегу и упала. Слёзы брызнули градом, обжигая замёрзшее лицо.

«Дура, – подумала она. – Бежишь от одних людей к другим».

Ей стало так обидно от собственной глупости, что она зарыдала навзрыд, пряча лицо в сгибе локтя: ладони ещё были ей непривычны, и Лита представила, что у неё по-прежнему крылья.

На спину упало что-то мягкое и тёплое. Лита обернулась: невдалеке стоял Ивлад без своей чёрной звёздчатой накидки. Вьюга, не спешиваясь, ждал на дороге.

Неуклюже поддев ткань руками, она завернулась в чужую одежду и уткнулась носом в мягкие складки. По коже сразу побежало приятное тепло, будто Лите освободили место у костра. Тело постепенно согревалось, из закостенелого и озябшего снова становилось живым, пусть и очень уставшим. Только ноги, босиком увязшие в сугробе, сводило болью от холода.

– Давай руку, – предложил Ивлад, осторожно пробираясь к ней по снегу. – Посажу верхом. Замёрзнешь ведь.

Лита недоверчиво покосилась на него, продолжая прятать нос в накидку. Она чувствовала себя униженной – ещё более, чем тогда, когда Ивлад подстрелил её у Серебряного леса. Но силы истончались так быстро, что ей уже казалось, будто она и не доживёт до возвращения домой. Короткая пробежка вымотала и без того ослабленное тело, раненое крыло – теперь рука – пульсировало болью.

Она шмыгнула носом и, собравшись с духом, протянула Ивладу трясущуюся ладонь.

* * *

Лита заворачивалась в накидку, но всё равно дрожала, когда позволила Ивладу взять себя на руки. Лита-девушка весила ничуть не больше Литы-птицы: кости у неё так и оставались птичьими, полыми внутри, поэтому конь Звездочёт даже не фыркнул, когда Ивлад посадил её перед собой. Босые ступни, красные от холода, выглядывали наружу, и тогда Вьюга тоже снял свою накидку и укрыл ноги девоптицы.

– Ты должен узнавать места, – бросил он Ивладу и указал на крыши, к которым пыталась убежать Лита.

Ивлад всмотрелся в темноту. Над крышами вился дымок, ветер приносил к дороге едва уловимый запах жилища.

– Ты повезёшь Литу туда?

– Ей нужен отдых. И еда. И одежда. Хотя бы ненадолго, но мы должны заехать. Иначе твой отец получит мёртвую девушку вместо живой девоптицы.

Ивлад встряхнул головой.

– Ну хорошо.

Лита притихла, отстранённо слушала голоса своих спутников. Сердце продолжало мелко и быстро колотиться, тело ещё болело, пусть не так остро, как в первые минуты после превращения. Короткая вспышка отчаяния отняла у Литы последние силы.

Дорогу к постоялому двору занесло – видно, сюда давно не поворачивали путники. Вьюга вскинул посох, и снег с дороги взметнулся вверх, закручиваясь белым вихрем.

Открыли им не сразу. Лита успела передумать кучу тревожных мыслей: о том, как Ружан с дружиной их нагоняют и убивают Ивлада; о том, как она сама замерзает прямо на коне; о том, как умирает, так и не успев вернуться в Серебряный лес…

Ворота скрипнули, с засова слетела снежная наледь, и хозяин, увидев Вьюгу, поклонился в пояс. На Ивлада он будто умышленно не смотрел и делал вид, что его вовсе не интересует девушка, завёрнутая в две похожие накидки.

– Проходите, господин. Не серчайте, спал и не слышал ваш стук.

Вьюга спешился и молча прошёл мимо хозяина. Ивлад тоже соскочил со Звездочёта, оставив Литу на коне, и, потянув за поводья, пошёл за Вьюгой.

– Работниц будить не буду, – заявил хозяин ворчливо, но на Вьюгу поглядывал с опаской. – У меня тут остановилась орава торговцев. Все мои кухарки уже отдыхают, им вставать рано.

– Не буди, – легко согласился Вьюга. – Только воды согрей. Дальше мы сами разберёмся.

Ивлад помог Лите спешиться. Когда коней устроили на конюшне, хозяин провёл гостей в харчевню. Посетителей там не было, на полу кое-где валялись мусор и черепки разбитой посуды – напоминание о том, что вечером тут отчаянно веселились. В углу спал вусмерть пьяный мужчина, всхрапывая с присвистом.

Хозяин, прихрамывая, принёс откуда-то ведро исходящей паром воды.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Братина (-ы; ж.) – старинный большой шаровидный сосуд, в котором подавались напитки для разливания по чашам или питья вкруговую.

Купить: https://tellnovel.com/ru/andrianova_anastasiya/pesnya-chudovisch

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить